

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

АННА ПЛАТУНОВА

ИНСТИТУТ
БУДУЩИХ МАГИСС

Анна Сергеевна Платунова
Институт будущих магисс
Серия «Волшебная академия (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66203066
Институт будущих магисс: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-137738-0

Аннотация

Зельеварение, артефакторика, боевые заклинания и древние руны... Сколько всего нужно знать, чтобы стать магиссой! Могущественной и прекрасной!

Вот только Вертрана Анелли вовсе не стремилась попасть в Институт, ведь, окончив его, она станет помощницей знатного лорда. Игрушкой в его руках, его собственностью.

Но договор подписан, пути назад нет. Шесть лет учебы позади и наступает последний, самый сложный выпускной курс: будущих магисс ждут смотрины и испытания. Кто выберет Вертрану? Симпатичный юный лорд? Старик? Или мужчина с холодными глазами? Говорят, он уже погубил нескольких помощниц...

Содержание

1	5
2	12
3	21
4	28
5	36
6	44
7	51
8	59
9	68
10	77
11	83
12	88
13	96
14	109
15	116
16	122
17	133
18	139
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Анна Платунова

Институт будущих магисс

© А. Платунова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

*** * ***

Посвящается женской дружбе

1

– Нет, мама, не отдавай меня!

Темноволосая девочка лет десяти в стареньком платье, заштопанном на локтях, вцепилась в руку миловидной, но бледной и изможденной женщины.

Мать и дочь стояли у высоких кованых ворот. Девочка молчала всю дорогу, зная, какая судьба ожидает ее. Молчала, потому что понимала, что только ее согласие спасет от голодной смерти маму и братишку, и все-таки у входа в Институт решительность ей изменила.

Однако даже сейчас она не заплакала, только провела тыльной стороной ладони по покрасневшим глазам. Женщина и сама кусала губы, чтобы удержаться от слез. Она присела на корточки рядом с дочерью, взяла ее за плечи и заглянула в глаза.

– Я знаю, что тебе страшно, Вертрана. Неизвестность всегда пугает. Но я уверена, что там не так плохо, люди любят преувеличивать. У тебя появятся новые подруги, хорошая еда, одежда...

– Мама! – с отчаянием перебила Вертрана. – Зачем мне это все, если в конце концов я стану рабыней!

Губы молодой женщины дрогнули:

– Ты станешь магиссой! Прекрасной и могущественной...

– Игрушкой знатного лорда, его собственностью!

Мать побледнела и слегка встряхнула дочь:

– Где ты набралась этих ужасных выражений, Верта?

Девочка всхлипнула, но посмотрела в ответ без тени раскаяния:

– Все это знают!

Пару мгновений Вертрана дерзко глядела на мать, и та в конце концов опустила глаза.

– Прости меня, Верта. – Она обняла дочь и прошептала в маленькое ухо: – Надеюсь, однажды ты поймешь меня... Будь сильной девочкой. Никогда не сдавайся, как бы ни было тяжело, а если упала, то поднимайся и снова иди вперед. Они попытаются сломить твою волю, выдрессировать, как ручного зверька, а однажды появится тот, кто захочет заполучить твоё тело и душу. Так вот, запомни: твоё тело принадлежит только тебе!

С этими словами женщина взяла ладонь дочери и приложила ее к створкам ворот. Раздался тонкий мелодичный звон, будто одновременно зазвенели десять хрустальных колокольчиков, железо засветилось изнутри, разгоняя вечерний сумрак.

Послышался шум отворяющейся двери. С крыльца светлого пятиэтажного здания спустилась женщина в чепце, темном платье и переднике и отправилась к воротам.

В глубине сада скрывались другие постройки, и очень часто городские ребятишки, прижав лица к решетке ограды, пытались разглядеть их, но видели только серые стены да

тускло светящиеся в вечернее время окна. Да и сама Верта вместе с чернявым Митром, своим закадычным дружкой, частенько всматривалась в гущу деревьев и гадала вслух, какие же тайны скрывает Институт магисс.

– У-у, – шипел Митр, – а вот там, смотри, смотри... Жуткий такой сарай! Там черной магией лишают девиц их естества...

– Да что ты глупости говоришь, дурачок!

– Сама такая! Ты ведь знаешь, что магиссы не могут иметь детей, они только служат господину и все желания его выполняют.

Верта огрела хохочущего Митра по уху, а про себя порадовалась, что ей никогда не придется переступить порог этого жуткого места. Никогда-никогда! И она вырастет, выйдет замуж за любимого, родит детей... Но тогда еще был жив папа, владеющий небольшой обувной мастерской. У них был дом. А мама не плакала по ночам за стенкой, надеясь, что дети не услышат.

Верта не знала, почему именно сейчас всплыл в памяти тот разговор про жуткий сарай. Но смотрела, как приближается к ней худощавая фигура в чепце и переднике, и понимала, что еще секундочка – и вся ее жизнь разделится на до и после...

Женщина подошла к воротам и вгляделась в лица просителей. Сначала посмотрела на мать, потом на девочку. Верта надеялась увидеть хотя бы тень улыбки, но прислужница

смотрела строго и сжимала тонкие губы:

– Это ваша дочь?

– Да, да...

Мать полезла в холщовую сумку, видимо за документами, но женщина остановила ее, подняв ладонь:

– Не нужно. Достаточно ваших слов, у этих ворот любая ложь делается явной. Они откликнулись на зов, значит, у девочки есть магия, но, хватит ли ее для обучения, покажет проверка. Ждите здесь. Мы вернем ее через час, если не подойдет.

Прислужница взялась за створку, и ворота легко приоткрылись, ровно настолько, чтобы пропустить худенькую Вертрану.

Мать шагнула было за ней, но женщина бесцеремонно толкнула ее в грудь:

– Ждите!

– Ее зовут Вертрана! Вертрана Анелли.

– Вертрана. Хорошо. Но фамилии у нее больше нет. Выпускницы получают фамилию того дома, к которому в свое время будут принадлежать.

Верта крепилась из последних сил, чтобы не разреветься, как малявка. Еще в прошлом году она могла позволить себе капризы. Могла топтать ногой и требовать сладости или новое платье, и тогда папа, ее большой и добрый папа, смеясь, обнимал дочь, сажал на колени и обещал, что обязательно купит все, что пожелает его фея, как только продаст еще од-

ну пару сапог или туфель.

Прислужница крепко ухватила девочку за запястье и повела за собой. Верта беспомощно оглядывалась, ужас совершенно парализовал ее, она едва могла переставлять ноги.

– Да шагай же ты, бестолковая!

Женщина дала новенькой подзатыльник, совсем легкий, чтобы привести в чувство, но Верта поняла, что тычки и оплеухи здесь привычное дело. Удивительно, но это придало ей сил. Если уж ей предстоит учиться тут семь лет, то лучше не давать повода относиться к ней как к девочке для битья.

Верта набрала в грудь воздуха и преодолела ступени.

Она ждала, что за порогом сразу очутится в загадочном и, наверное, жутком месте, но оказалась в небольшом холле, откуда расходились в обе стороны коридоры и вели вверх две лестницы из коричневого дерева.

– Жди здесь! – приказала женщина.

Она усадила Верту на банкетку у камина. Стояла осень, и озябшая Верта рада была бы погреть руки у огня, но камин не горел. Видно, его не топили очень давно – он был очищен от золы и закрыт решеткой. Поэтому девочка подула на заледеневшие пальцы и спрятала кисти рук в рукава.

На прошлой неделе они с мамой продали последние теплые накидки, чтобы купить дров. Из-за промозглого холода в подвальной комнатке, куда они перебрались после того, как отец умер, а обувную мастерскую отобрали за долги, маленький Тим стал нехорошо кашлять, а потом и вовсе слег.

Было ясно, что дров надолго не хватит, а продавать им больше было нечего. Три дня назад Верта подошла к маме и предложила отвести ее в Институт. Это ей казалось тогда единственным спасительным решением. И вот, поди-ка, уже у самых ворот смалодушничала. Вертрана вспомнила Тима, заходящегося в кашле, и устыдилась. Нет, надо приложить все усилия, чтобы пройти положенные испытания. Маме выплатят компенсацию, тогда она сможет купить участок земли с домиком. Земля прокормит...

– Здравствуй, Вертрана!

Громкий голос раздался так внезапно, что Верта вздрогнула и принялась озираться.

В дверях стояла высокая худая женщина в черном платье до пола, на плечах ее лежала белая меховая шаль, и казалось, будто вокруг шеи незнакомки свернулся пушистый зверь. Темные волосы с ниточками седины были собраны в строгую прическу.

– Здравствуйте! – пискнула Верта и потупилась.

Конечно, она узнала директрису. Городские ребятишки всегда до колик боялись эту страшную женщину и убегали от ворот, едва завидев.

– Здравствуйте, госпожа Амафрея, – ледяным тоном поприветствовала директриса.

Она оглядывала скукожившуюся Верту, брезгливо поджав губы.

– Сколько тебе лет? Мы не принимаем девочек младше

одиннадцати. На вид тебе меньше.

– Мне одиннадцать!

Госпожа Амафрея выдержала паузу, во время которой Верта почти уверилась в том, что сейчас ее выставят за дверь, однако директриса молча подошла к лестнице и стала неторопливо подниматься на второй этаж.

Верта опешила было, но тут из коридора выбежала давешняя прислужница, схватила девочку за воротник, да так, что тот затрещал, поставила на ноги и прошипела:

– Иди следом! Быстро!

Дубовые двери кабинета распахнулись перед госпожой Амафреей, а потом стали медленно закрываться, когда та переступила порог. Вертрана, поднажав, едва успела проскочить следом.

Директриса делала вид, что не замечает девочку, а та терялась в догадках. Может быть, прислужница ошиблась и здесь ей не место? Или уже началось испытание, смысла которого она не понимает?

Магия у Верты была слабенькая, ее едва хватало на то, чтобы сотворить красивых бабочек для того, чтобы развлечь Тима, да создать иллюзию огня в камине, который, конечно, никого не мог согреть. Ее магия была вроде фокусов, которые показывают заезжие балаганщики. Толку чуть, одно баловство. Папа, правда, всегда радовался дару дочки и называл ее своей маленькой феей.

Люди, обладающие магией, появлялись на свет довольно часто. Другое дело, что их способности обычно затухали к подростковому возрасту, как любые другие способности, если их не развивать. Детей предпочитали отдавать на обучение в лавки пекарей и кожевенников, сапожников и портных. Тут уж точно голодным не останешься, уже через год-другой учеба окупится. А для того, чтобы выучиться магическому искусству, требовалось не меньше семи лет. Поэтому

му в Академии магии обучались выходцы из обеспеченных аристократических семей, и только мужчины.

Однако существовало и учебное заведение для девочек – Высшие магические курсы, получившие в народе другое название, которое прижилось гораздо лучше, – Институт магисс.

Институт был местом закрытым и таинственным. Каких только слухов не ходило о том, что происходит за его стенами. Девочек сюда брали из любых сословий, вот только, переступив порог учебного заведения, юные институтки навсегда оставляли свои семьи. Родителям выплачивали компенсацию, и девочка переходила под опеку Института на долгие семь лет.

Но даже когда обучение заканчивалось, новоиспеченные магиссы не получали долгожданной свободы. Увы, отныне свобода для них была недостижимой и сладкой мечтой.

На последнем году обучения в Институте устраивали смотрины, где присутствовали влиятельные люди со всего королевства. Они приходили, чтобы выбрать себе помощницу и навсегда увести в свой дом. Выпускницы превращались в собственность лордов, становились их бесправными игрушками, выполняющими любые прихоти своих господ.

– Подойди, Вертрана! – резкий голос выдернул девочку из печальных раздумий.

Она приблизилась к госпоже Амафрее. Та стояла у стола, загородив спиной какой-то предмет.

– Оглянись. Что ты видишь?

Верта огляделась, и, как бы ни было ей сейчас грустно, детское любопытство оказалось сильнее горечи. Ее глаза широко распахнулись, а щеки порозовели.

В кабинете директрисы вдоль стен на полках, что заполняли пространство от пола до потолка, теснились разные диковинные предметы. Их было так много, что взгляд не успевал охватить все сразу. Крошечные домики, корабли и кареты, исполненные так детально, что казались реальными. Скрепки и банки с заспиртованными в них невиданными существами. Чучела зверей и птиц. Друзы с драгоценными камнями. Магические шары с предсказаниями. Говорящие книги, сейчас запертые на замок. И еще масса невероятных вещей.

– Я вижу... – У Верты не нашлось подходящих слов. – Столько всего!

– Где-то на этих полках есть булавка с головкой из горного хрусталя. Принеси мне ее.

Булавка! Да где же ее найти? Это ведь все равно что отыскать иголку в стоге сена! Однако Верта спорить не стала и направилась к ближайшей полке. Сделала шаг-другой и вдруг остановилась.

Ей почудилось, что она услышала зов. Тоненький голосок звал ее к себе. Он раздавался с самой верхней полки у двери.

Верта потянулась было, но поняла, что роста не хватит. Под спокойным, даже холодным взглядом госпожи Амафреи

она подтащила стул, взгромоздилась на него и зашарила рукой по полке у себя над головой.

– Ай!

Булавка больно уколола палец. Верта хотела облизнуть ранку, как делала это всегда, но директриса перехватила ее руку и поволокла девочку за собой к столу.

На месте прокола набухла капелька крови, и госпожа Амафрея бесцеремонно прижала пострадавший палец Верты к гладкому черному шару, который выточен был, кажется, из куска обсидиана.

– Ой! – снова не сдержалась Верта.

Шар вдруг загорелся, точно газовая лампа, ярким, ровным синеватым светом. Верта впервые увидела, как подобие улыбки тронуло губы директрисы, словно она была чем-то невероятно довольна.

– Аквамарин... – пробормотала она. – Редкость...

Потом посмотрела на девочку, и глаза ее снова сделались холодными:

– «Ой» и «ай» – слова, недопустимые в этом заведении. Теперь вы воспитанница Высших курсов и должны вести себя соответствующе... Впрочем, чего я хочу от дочки башмачника. Всему свое время...

Верта сначала разозлилась на «дочку башмачника», и только потом до нее дошел главный смысл сказанного: госпожа Амафрея назвала ее воспитанницей! Значит... ее приняли!

Сердце тоскливо сжалось.

Директриса позвонила в медный колокольчик, и скоро в кабинете появилась прислужница, на этот раз другая, только наряд остался неизменным – чепец, платье и передник.

– Приведите ко мне женщину, стоящую у ворот, – велела госпожа Амафрея.

Директриса позвонила во второй раз, теперь уже в стеклянный колокольчик, и в ответ на его звонкий голос на пороге возникла девушка в длинном синем платье без украшений. Плечи закрывала пелеринка, волосы были собраны в гладкую прическу. Верта заметила на шее девушки черную повязку с серебряными письменами и удивилась: она никогда не видела таких странных украшений.

Девушка присела в поклоне и замерла, опустив глаза в пол.

– Андра, проводи новенькую в розовую спальню. Я отдаю ее под попечительство госпожи Гран. Занятия младших классов как раз должны закончиться.

Госпожа Амафрея подтолкнула оробевшую Верту в сторону Андры.

– А можно мне напоследок увидеть маму? – встрепелась девочка. – Я хочу попрощаться!

– Нет, – бесстрастно ответила ледяная госпожа директриса. – Теперь я тебе буду и матерью, и отцом. Будь послушна, и тогда мне не придется тебя наказывать.

– Но...

Андра, которая незаметно подошла и встала за спиной Вертраны, дернула ее за руку.

– Идем, – прошипела она. – Быстро!

Верта поплелась за девушкой, изо всех сил сдерживая слезы. Сейчас мама подпишет договор, получит мешочек с тремя десятками королевских золотых монет и навсегда покинет Институт. А Верта никогда-никогда ее больше не увидит.

В коридоре, где взгляд госпожи Амафреи уже не мог их достать, Андра вдруг остановилась и погладила Верту по голове.

– Ну, не реви! Если бы ты продолжила канючить, то напросилась бы в карцер. А то и пару ударов розгами заполучила бы! Сухарь скоро на расправу.

– Сухарь?

Андра быстро огляделась, наклонилась к лицу Верты и улыбнулась. Улыбка у нее была хорошая, человеческая.

– Мы так директрису называем. Только, чур, никому!

Верта невольно улыбнулась в ответ. Может быть, все здесь действительно будет не так плохо!

– А ты кто?

– Я? Воспитанница последнего курса, весной будет выпускной. Ну идем же...

Андра повела девочку за собой по лестнице. Они миновали третий этаж, четвертый и поднялись на пятый. Здесь и находились спальни младших воспитанниц.

Розовая, стены которой были выкрашены в этот цвет, по-

ка пустовала. Верта не знала, что она надеялась увидеть, но все же была неприятно удивлена аскетизмом спальни. Здесь стояло девять кроватей, рядом с каждой находилась тумбочка. Стены пустые, а на голом дощатом полу ни дорожки, ни коврика.

– Будешь спать там.

Андра указала на незаправленную постель. На тонком тюфяке были сложены горкой серое одеяльце и плоская подушка.

Верта присела на край кровати:

– Можно я спрошу тебя?

– Да, конечно, – доброжелательно ответила Андра.

– Это украшение у тебя на шее... Я таких прежде не видела.

Андра побледнела и потерла шею, будто бы темная лента душила ее. Однако ответила:

– Это не совсем украшение... Это знак того, что меня выбрали. Лента и символы на ней говорят о том, что скоро я буду принадлежать дому Ригель.

Верта сжалась. Она впервые столкнулась с доказательством того, что все, что она слышала об Институте, правда.

– Тебе страшно? – тихо проговорила она.

Андра улыбнулась, вот только на этот раз улыбка вышла натянутой, фальшивой:

– Род Ригель богат и знатен, а лорд Симус наследник дома. Я очень рада, что буду служить ему.

Андре не удалось провести свою маленькую знакомую. Верта сидела, опустив голову, моргала, пытаясь удержать слезы. Девушка осторожно приподняла ее лицо за подбородок:

– Выше нос! Иногда здесь бывает весело. А если ты согласишься учиться и заведешь подруг, то каждое утро станешь просыпаться с радостью.

За разговором Вертрана не услышала шагов. Да и немудрено. В своей прежней школе Верта привыкла к тому, что на переменах ученики с шумом и гамом носились по коридору, здесь же воспитанницы передвигались так тихо, что об их возвращении стало известно лишь тогда, когда дверь в спальню открылась и вошли восемь девочек в одинаковых розовых платяцах с белыми пелеринками. Их сопровождала пожилая женщина, видимо, та самая классная дама. Вертрана вскочила на ноги.

– Госпожа Гран, – Андра поклонилась. – Госпожа Амафрея передает под вашу опеку воспитанницу Вертрану.

Она тихонько подтолкнула Верту, давая понять, что надо поклониться. Та сделала книксен, как смогла. Госпожа Гран смотрела с нескрываемым презрением.

– Да-а, – протянула она. – Этот камешек еще долго придется шлифовать, прежде чем выйдет что-то путное. Располагайся, дитя. Я принесу одежду и постельное белье.

Стоило классной даме выйти за дверь, как Верту окружили девочки. Вертрана уже решила, что их здесь так вышко-

лили, что они только и умеют, что ходить по струнке. Но, оставшись без надзора, воспитанницы повели себя как обычные девчонки. Некоторые улыбались, другие смотрели с любопытством.

– Как тебя зовут? Ты из какого сословия? Почему тебя отдали? – спрашивали они наперебой.

Рыжеволосая курносая пышечка тут же принялась приглаживать растрепанные темные локоны Верты, и сразу стало понятно, что рыжуля здесь самая заботливая и добрая. Да еще и болтушка.

– Значит, ты Верта? А меня зовут Мей. Ты не бойся, ничего не бойся. Ты привыкнешь. Вечером пойдем на прогулку в сад! А завтра, представляешь, будет практикум по магическим исцелениям. Я так люблю занятия у профессора Алеба!..

– Да помолчи ты! – прервала ее блондиночка, высокомерно задрав хорошенький носик. – Ты совсем ее заговорила! – Потом снисходительно улыбнулась растерявшейся Верте: – А меня зовут Эйлин. Если хочешь, можешь со мной дружить.

Андра напоследок потрепала ее по голове:

– Видишь, все будет хорошо. Не грусти.

Так началась новая жизнь Вертраны.

Не успела она и глазом моргнуть, шесть лет пролетели, как один миг. Наступил последний, выпускной – самый сложный – год...

– Верта, соня! Вставай! Дождешься, что сейчас сама Богомолиха придет тебя будить!

Эйлин подергала сонную Верту за косу, пощекотала нос перышком, вытащенным из подушки, а не дождавшись реакции, просто уселась на подругу сверху и принялась тормозить.

– Элли, кыш! – пробормотала Верта, ворочаясь, чтобы стряхнуть вредную Эйлин.

Но не тут-то было. Элли оседлала ее, точно лошадку, хорошо хоть пятками не била в бока.

– Я вчера допоздна писала работу по артефакторике, – взмолилась Верта. – Пока вы с Мей, бесстыжие, дрыхли без задних ног!

– А нечего было хихикать на занятии господина Вира. Или надо было хихикать потише! Вот как мы с Мей. Тогда бы ты не получила дополнительного задания. Сама виновата!

Верта, фыркнув, наконец сбросила с себя неугомонную Эйлин, но в этот самый миг в спальню стремительно вошла госпожа Гран, прозванная Богомолихой не столько за сухопарую фигуру, сколько за кровожадность. Когда Верта увидела ее в первый раз, вечно невозмутимое лицо наставницы ввело девочку в заблуждение. Она решила, что классная дама женщина спокойная и рассудительная. Но, получив на

первой же неделе своего пребывания в Институте и сутки карцера, и три удара розгами, маленькая Верта впредь была осторожна.

Девочки так наловчились обманывать Богомолиху, что почти всегда избегали наказания. Теперь же, на последнем курсе, воспитанниц редко подвергали порке: а то как внезапно заявятся лорды, а будущие магиссы все в синяках, и на смотрины таких выставять совестно.

– Вертрана, золотце, почему мы до сих пор в постели? – обманчиво доброжелательным голосом поинтересовалась госпожа Гран. – Тебе нездоровится? Может быть, стоит отвести тебя в лазарет?

Вертрана изобразила одну из своих самых лучезарных улыбок:

– Вы так добры, госпожа Гран. Так заботитесь о нас. Родная мать не смогла бы лучше. У меня действительно немного кружилась голова, но милая Эйлин приободрила меня добрым словом, и теперь я полностью готова к занятиям.

– Я очень рада, милочка, – голос Богомолихи сочился медом. – Тогда, вероятно, уже через пять минут я увижу тебя, Эйлин и Мей у двери спальни, чтобы вы и другие девочки, которые вас уже ждали в коридоре, смогли отправиться в столовую на завтрак. Иначе, как это ни прискорбно, на занятия вам придется пойти голодными.

Едва за госпожой Гран закрылась дверь, как Верта подскочила на кровати, протерла глаза и побежала к кувшину

умываться. Мей поспешила на помощь.

– Вот так всегда, – ворчала между тем Эйлин, заправляя постель подруги. – Верта чудит, мы прикрываем...

Она достала из шкафа платье, приготовила ленты, чтобы вплести их в волосы Вертраны, протерла кусочком ветоши туфельки.

– Не ворчи! – отозвалась Верта, которая так активно плескалась водой, что брызги летели во все стороны. – А кто неделю назад пробрался в столовую? А украденный хлеб мы с Мей прятали потом, извините за подробности, едва ли не у себя на груди.

Эйлин пожала плечами, мол, кто бы это мог быть? Тихая, спокойная Мей, которая попадала в неприятности только благодаря подругам, лишь вздохнула.

Совместными усилиями на Верту натянули платье, волосы собрали пучком на затылке – на косы уже не оставалось времени – и все вместе вылетели за дверь на последней секунде.

Госпожа Гран разочарованно поджала губы.

– За мной, – скомандовала она.

Девушки, как это было заведено, построились парами и двинулись следом за классной дамой.

Верта с ужасом вспомнила, как нелегко ей поначалу давалась плавная, грациозная походка. Для обучения надевали громоздкие деревянные башмаки, которые стучали по паркетному полу, точно два молота, стоило шагнуть неловко или

чуть быстрее положенного. Маленькая Верта искусила губы в кровь, стараясь делать аккуратные, небольшие шажки.

Теперь восемнадцатилетняя Верта скользила в окружении подружек так же легко и изящно, как они.

Вниз по лестнице уже спускались другие группы воспитанниц. Тоненькие фигурки, белые пелеринки на плечах, плавная походка, высоко поднятые головы. Девочки были похожи, точно сестры. Их отличали только цвета платьев, по которым сразу можно было определить, с какого они курса.

В том году, когда в Институт пришла Вертрана, набирали розовую группу. Среди воспитанниц их называли «розочками». Теперь они были выпускницами. Чуть ниже по лестнице спускались «голубки» – девочки на год младше. Позади топали в деревянных башмаках малышки «чаинки» в коричневых платьицах, набор этого года. Были еще зеленые «листки», желтые «одуванчики», серенькие, а оттого отчаянно завидующие более ярким воспитанницам «камешки», и наконец беленькие «снежинки».

– Овся-янка, – наморщив нос, протянула Эйлин, расположившись на своем месте за длинным столом.

– Если не хочешь, я съем! – с готовностью откликнулась Мей.

От ее бывлой пухлости не осталось и следа. Верте тяжело было вспоминать, каким образом Богомолиха превратила круглощекую девочку в тоненькую тростиночку, какой рыжуха стала теперь. Она просто не давала ей есть. Порции

еды и так были крошечными. Видно, попечители считали, что будущие магиссы должны питаться солнечным светом да булинками, но юные растущие организмы требовали пищи по три раза в день. Напрасно мама Верты надеялась, что теперь дочь всегда будет сыта. Хотя, конечно, она не голодала, но и не наедалась досыта. Утром маленькая тарелка каши с тоненьким ломтиком ржаного хлеба, в обед тарелка жидкого супа на первое, кусок отварного мяса или рыбы с простым овощным гарниром на второе, на ужин яйца, сыр и хлеб. Меню было однообразным и простым. «Излишества вредны юным девам!» – говорила иногда директриса. Сладости давали редко, только по праздникам.

Так вот, кроткую пышечку Мей оставили и вовсе без еды. Утром ей выдавали стакан несладкого чая, в обед суп, на ужин сваренное вкрутую яйцо. Она проглатывала еду за минуту, а потом беззвучно плакала, глотая соленые слезы.

У Вертраны и Эйлин тоже сосало под ложечкой от постоянного недоедания, но все же они нашли в себе силы сохранять по половине ломтика хлеба для своей несчастной подруги. Спустя месяц щеки Мей ввалились, и тогда бесстрастная Богомолиха разрешила ей питаться так же, как остальным. Однако Мей с тех пор никак не могла наесться.

– Сама справлюсь! – откликнулась Эйлин на предложение Мей. – Я просто больше люблю ячменную, она сытнее.

Как бы ни хотелось растянуть завтрак подольше, смаковать каждую ложечку, откусывать от хлеба небольшие кусоч-

ки и запивать маленькими глотками ароматного чая, время приема пищи было ограничено: не успела, значит, останешься голодной до обеда.

– Строимся, строимся! – то и дело раздавались голоса классных дам.

Выпускному классу давали дополнительно десять минут, поэтому «розочки» гордо, но в то же время сочувственно поглядывали на других воспитанниц, особенно на «чайнок». Некоторые малышки рыдали от голода, их, как раньше Мей, посадили на жесткую диету.

– Хорошо быть выпускницей, – прощепетала Лора.

Она аккуратно сложила салфетку и чуть откинулась назад, продолжая держать спину прямо. Хорошенькая Лора всегда вела себя так, будто уже сейчас находится на смотринах и на нее направлены десятки изучающих и пристальных взглядов. Все знали, что Лора мечтает стать магиссой дома Таурис – одного из могущественных, древних, знатных родов. Его наследник Финер собирался в этом году выбрать себе помощницу.

Верта не осуждала наивную Лору. Многие из воспитанниц Института к последнему году обучения смирились со своей судьбой. Если уж все равно придется сделаться чьей-то собственностью, так не лучше ли самой выбрать себе золотую клетку?

Иногда Верта думала, что и она смирилась. А иногда они с Эйлин и Мей позволяли себе невозможные, глупые мечты

о том, что однажды их жизни чудесным образом изменятся. Их полюбят вопреки всем законам и догмам. Возьмут замуж. Позволят иметь детей...

Верта вздохнула, прогоняя мысли, от которых становилось муторно на душе.

Первым предметом сегодня стояла артефакторика, вел ее господин Вир. Когда Верта была младше, учитель казался ей совсем древним столетним стариком. К тому же он был сгорбленным и седым, иногда, устав стоять, он тяжело опускался на скрипучий стул. Взгляд голубоватых, почти прозрачных глаз, однако, оставался пронзительным и живым.

Господин Вир не был магом, как некоторые другие учителя, скорее историком, но иногда Вертрана думала, что кое-какими магическими способностями он точно обладает, как иначе объяснить, что он всегда уличал Верту, едва та пыталась немножко пошалить или отвлечься от занятия. Только ее, кстати. Не помог даже «купол тишины», который Верта научилась ставить, обнаружив в библиотечной книге старое заклинание.

Мало того что купол не помог, так учитель еще и жаловался Богомолихе на то, что воспитанница незаконно использует магию в Институте. Это было на третий год обучения, девочки только приступили к изучению артефакторики.

Тем же вечером классная дама вызвала Верту для беседы. Комната Богомолихи находилась рядом со спальней девочек, но госпожа Гран никогда не приглашала воспитанниц для того, чтобы поговорить по душам, узнать, что волнует ее подопечных. Наоборот, очень скоро девочки поняли: если

Богомолиха пригласила к себе, то хорошего не жди!

– Детка, ты использовала магию на уроке? – доброжелательно спросила она у испуганной Вертраны. – Ты ведь помнишь правила. Магия применяется только на практических занятиях и только под присмотром учителя. Это ведь делается для вашей безопасности. А то недалеко и до беды.

Та, хоть и знала уже нрав воспитательницы, снова обманулась ласковым тоном.

– Извините, – прошептала она, опустив голову. – Я больше не буду. Честно. Это была шутка...

– Значит, признаешь?

Верта кивнула.

– Два удара розгами, голубка моя. Думаю, вполне достаточно для того, чтобы твоя хорошенькая, но глупая головка окончательно усвоила правила.

Вертрана вздрогнула, но промолчала. Она давно поняла: любые просьбы и уговоры могут только усугубить наказание.

Прислужница, вызванная звоном колокольчика, проводила Верту в специальную комнату. Комната была почти пуста, если не считать скамьи и ведра с водой, где отмокали розги.

Девочка поскорее стянула с плеч платье и легла, уткнувшись носом в гладкие доски. Порку провинившимся устраивала дежурная классная дама. Если везло и дежурная оказывалась в хорошем настроении, воспитанницы получали едва ощутимые удары. Хуже всего было тогда, когда в комнату для наказаний навевалась сама директриса.

В тот раз Вертрane не повезло. Сухарь недрогнувшей рукой влепила вместо двух ударов целых пять, а потом еще долго поучала перетрухнувшую, едва сдерживающую слезы воспитанницу.

– Вы, несомненно, знаете главные достоинства наших выпускниц? Смирение. Послушание. Прилежание. Вот три столпа, на которых покоится Институт...

Она еще долго что-то говорила, но у Верты так сильно кружилась голова, что она едва слышала нотации.

– Если желаете, чтобы в будущем вас принял к себе достойный и благородный дом, то должны заслужить это...

«Чтоб ты провалилась, старая карга! – думала Верта. – Больше всего я желаю сбежать отсюда и никогда не видеть ни тебя, ни Богомолиху, ни мерзкого учителя Вира...»

Она еле дотаскилась до розовой спальни, не раздеваясь, рухнула на кровать. Мей и Эйлин тут же присели рядом, расспрашивая, как все прошло.

– Пять ударов! – ахнула Мей, узнав, что Вертрана попала госпоже Амафрее, и добавила шепотом: – Вот злодейка... Бедная ты...

– Ой, ладно! – фыркнула Эйлин, подтолкнув Верту локтем. – Тоже мне горе! Если будешь такой нежной-прилежной, то тебя лорды скушают и не подавятся. Надо только не попадаться, вот и все! А лордов мы потом сами приручим, да, девочки?

Вертрана даже приободрилась после этих слов. Они дей-

ствительно стали осторожнее и почти не попадались больше на шалостях и проказах. А с господином Виром у Верты теперь была тихая война. Если чьих-то проделок он не замечал, то за темноволосой воспитанницей с нахальными глазами следил, как коршун.

Правда, на этот раз все прошло на удивление мирно. Доклад, который она писала ночью при свете крошечного шара-светлячка, остался без замечаний. Верта даже решила, что учителю нездоровится.

Вторым предметом в расписании стояло «Изготовление зелий, снадобий и отваров», но учитель, который вел занятия в прошлом году, уволился, а нового пока не нашли, поэтому во время урока девушки тихо сидели в классной комнате, повторяя пройденное.

– А что я слышала! – По дороге к классу их догнала Дейзи и добавила, сбавив тон: – У нас новый учитель на зельях! Говорят, симпатичный!

Эйлин хмыкнула, и Верта тоже отнеслась скептически. Симпатичный! Ну да, ну да! Впрочем, если ему еще нет ста лет, руки-ноги на месте и лицо не обезображено ужасными шрамами, то, пожалуй, можно считать его симпатичным.

Дело в том, что учителя проходили тщательный отбор. Хотя все они были мужчинами – ведь свободными магами в королевстве всегда были только мужчины, – госпожа Амафрея принимала в Институт либо дряхлых старцев, либо людей с отталкивающей внешностью. Все понимали почему:

будь учителя чуть моложе и чуть симпатичнее, не обошлось бы без влюбленностей и трагедий.

— Ерунда! — Мей не поверила новостям. — Пусть даже симпатичный... Да будь он хоть первым красавцем, что с того? Нас-то наверняка выберет себе какой-нибудь мерзкий, жуткий старик...

То, что она достанется старику, было главным страхом Мей. Смотрины в Институте длились весь год. Лордов начинали приглашать, когда наступал второй месяц осени — листопад. Совместные трапезы, прогулки, выходы в свет, балы. Представители благородных семейств приглядывались к будущим магиссам, решали, какую сумму готовы выплатить Институту.

Бывало и так, что кого-то из воспитанниц выбирали сразу и выкупали за несколько сотен золотых монет. Тогда девушка получала особенное украшение в виде повязки на шею с именем будущего покровителя. Как теперь понимала Вертрана, Андру тоже заметили сразу. Лорд Симус из рода Ригель.

Почему-то маленькая Верта представляла наследника дома приятным юношей. Видно, ей просто понравилось имя. Но случилось так, что однажды беспокойной ветреной ночью в начале весны неразлучная троица подруг решила совершить набег на столовую. Время от времени они пробирались через вентиляционную шахту на запертую кухню, где порой оставались обрезки хлеба.

Верта, Эйлин и Мей, наевшиеся и довольные, крались по лестнице к себе на этаж, когда слышали, что внизу что-то происходит. Раздавались тихие голоса, горели огни. Это сейчас-то, ночью, когда все воспитанницы должны лежать в своих постелях!

Любопытство оказалось сильнее страха, и три девочки осторожно спустились и залегли на площадке, спрятавшись за столбиками перил.

У выхода стояла Андра в теплой накидке, подбитой мехом, в хорошеньком капоре. У ног девушки стоял небольшой кожаный саквояж.

– Куда это она? – поразилась Эйлин. – Сбегает?

– Не, – покачала головой Мей. – Вон рядом с ней госпожа Синти, ее классная дама. А там, гляди, сама директриса!

Поодаль стояли и прислужницы, держа в руках светильники. Классная дама что-то говорила печальной, бледной Андре. Девочки прислушались, затаив дыхание.

– ...И помни, чему тебя учили. Прилежание, послушание, смирение. Тебе оказана великая честь, род Ригель принял тебя в свое лоно. Не подведи...

Речь госпожи Синти прервал мелодичный звон. Верта узнала его: именно такой звук издавали ворота, когда она положила на них руку.

– Приведите гостя! – велела госпожа Амафрея.

Одна из прислужниц присела в поклоне и вышла. Через несколько секунд дверь распахнулась, пропуская высокого

грузного мужчину в черном пальто и шляпе.

— К чему эта таинственность! — пробурчал он с неудовольствием. — Почему я должен забирать то, что по праву принадлежит мне, ночью, точно вор?

— Прошу вас, тише, дорогой господин Ригель, — прошептала директриса. — Вы разбудите девочек.

Верта даже не подозревала, что Сухарь может говорить таким нежным, таким приятным голосом.

— Дело в том, что мы всего лишь хотим уберечь других воспитанниц от порока зависти. Каждая из них мечтала бы оказаться на месте нашей ненаглядной Андры, поэтому мы передаем ее вам ночью. Ведь вы сами не хотели дожидаться выпускного вечера...

— Да, да, понимаю, — буркнул лорд Симус, сбавив тон.

Тонкая лесть госпожи Амафреи достигла цели. Он снял шляпу, стряхивая с нее дождевые капли, и тут девочки, спрятавшиеся на лестнице, увидели лысину с редкими волосами на затылке, обрюзгшее, какое-то помятое лицо, толстые губы и маленькие пороссячи глазки.

Наследник знатного рода выглядел как свинья, которой почему-то вздумалось нарядиться в пальто и притвориться человеком.

— Нравятся ли тебе подарки? — обратился лорд к Андре, которая стояла ни жива ни мертва.

И он по-хозяйски бесцеремонно пощупал ткань накидки, запустив толстые пальцы под мех на груди. Андра побледне-

ла еще сильнее. Она изо всех сил боролась с собой, чтобы не отстраниться.

В закрытом Институте с воспитанниц не спускали глаз. Даже во время смотрин никто не имел права прикоснуться к выпускницам до тех пор, пока не была заключена сделка. А теперь незнакомый, по сути чужой мужчина получил юную девушку в свое полное распоряжение.

– Ну же, голубушка, не тушуйся, – проворковала госпожа Синти. – Ты ведь у нас всегда была послушной девочкой. Поцелуй ручку своему благодетелю.

Андра силилась сдержать слезы и часто моргала. Она присела в поклоне, пряча лицо.

Лорд Симус, усмехаясь, сунул ей свою пухлую руку.

– Поцеловала... – прошептала Мей. – Поцеловала эту пакость...

Эйлин толкнула подругу локтем в бок, чтобы та замолчала. Но всем троим было не по себе.

– Ну, поехали, малышка, – пробурчал подобревший и разомлевший лорд Ригель. – Ночь заканчивается, а нам до утра столько всего нужно успеть.

У Верты не хватило душевных сил, чтобы кинуть последний взгляд на несчастную Андру.

«У меня будет не так... – уговаривала она себя. – У меня все будет совсем не так...»

Еще до того, как попасть в Институт, Верта ломала голову над тем, почему магиссы не сбегают от своих хозяев. Они могли бы скрыться, вести обычную жизнь, выйти замуж. Неужели прозябание в золотой клетке с нелюбимым человеком лучше свободы? Только потом девочка узнала, что магиссы связаны клятвой, снять которую не под силу никому.

В Институте шепотом пересказывали историю о том, как одна из выпускниц пыталась скрыться от могущественного лорда, своего хозяина. Говорят, тот бил ее и мучил, вот бедная девушка и не выдержала. Она даже разыскала брата, а тот укрыл ее в своем доме. Да только несчастная заболела в тот же вечер. С каждым часом ей становилось все хуже, пока брат сам на руках не принес ее к дому лорда, умоляя принять обратно.

– А что, если мы сбежим прямо сейчас? – как-то спросила Вертрана у Эйлин.

Им было уже по пятнадцать лет, и Верта, поразмыслив, решила, что они могли бы устроиться в трактир подавальщицами, а то и служанками в богатый дом. Все лучше, чем ожидать уготованной им участи...

– Ты себя в зеркало видела? – вздохнула Элли. – Какая из тебя служанка? Да тебя вычислят в тот же день. Решат, что дочь аристократа подалась в бега...

Вертрана мимолетно взглянула на себя в зеркало: они как раз возвращались после занятий танцами. За пять лет, проведенных в Институте, она из сорванца превратилась в изящную, утонченную красавицу. Осанка, взгляд, поворот головы – все выдавало в ней благородство манер. Да уж, вышколили их знатно. Лучший товар...

– Ну и ладно! – горячо прошептала она. – Пусть вычислят. Какая им разница, кто станет прислуживать постояльцам или подавать суп?

Элли, обычно отважная, качнула головой. Верта и сама понимала, что это напрасные надежды: в Институте время от времени случались попытки побега, но всех беглянок возвращали назад меньше чем через сутки. А после «беседы» с госпожой Амафреей воспитанницы почти месяц приходили в себя в лазарете. Ходили потом притихшие и послушные...

В классе для зельеварений пахло травами и настойками. На партах, покрытых листами жести, над спиртовками грелись колбы, а рядом с учительским столом стоял высокий худощавый мужчина, одетый в черное.

Девочки рассаживались на места, привычно опустив глаза: им не дозволено было слишком откровенно пялиться на учителя. Но сейчас их разбирало жгучее любопытство – выходит, слухи не обманули и у них новый преподаватель.

Верта положила на край стола учебник, аккуратно открыла чернильницу и, не выдержав, бросила взгляд из-под рес-

ниц.

Красавцем его определенно нельзя было назвать. Черты лица слишком резкие, нос будто у хищной птицы, а губы тонкие. Учитель разглядывал своих притихших учениц и отчего-то хмурился. И все же, удивительное дело, он не был ни стариком, ни уродом. «Значит, злодей! – решила Вертрана. – Другого бы Сухарь не выбрала!»

– Девушки, если вы посмотрите на меня, то не обратитесь в камень, за это я могу поручиться, – сказал он вдруг с усмешкой. – Надо же, а я-то не верил, когда мне говорили, что воспитанницы слишком застенчивы и никогда не поднимают глаз на преподавателя.

Верта переглянулась с Эйлин, с Мей, а после все трое поглядели на нового учителя.

– Можете называть меня мастер Ройм.

Мастер. Значит, учитель был магом. До этого дня всем магам, преподававшим в Институте, было на вид лет сто, а на самом деле еще больше. Как же все-таки директриса допустила до занятий мужчину, которому, скорее всего, едва перевалило за тридцать?

Загадка разрешилась сама собой.

– Я буду вести у вас занятия два-три месяца, пока госпожа Амафрея не найдет постоянного преподавателя.

«Вот оно что! – поняла Верта. – Он на замену!»

– А теперь давайте не будем терять времени и перейдем к занятию. Я посмотрел прошлогодний план и пришел к выво-

ду, что он никуда не годится. Давайте займемся зельями, которые действительно могут понадобиться в жизни. Тема сегодняшнего занятия: «Сонные снадобья». Зажигайте горелки.

Верта, Эйлин и Мей сгрудились у стола и, делая вид, что возятся со спиртовкой, обменялись многозначительными взглядами. «Не урод!» – приподняла бровь Вертрана.

– Хорошенький такой, – прошептала вдруг Мей, и щеки ее покраснели.

Подруги даже оторопели от такого признания.

– Эй-эй! – одернула ее Элли. – Он. Наш. Учитель. А не лорд, пришедший на смотрины. Что-то еще добавить?

Мей кивнула. Ее пальцы, когда она пыталась высечь искорку, дрожали и не слушались. Верта сотворила на ладони крошечный огонек и зажгла фитиль.

Почти час девушки работали в полной тишине, прерываемой лишь размеренным голосом мастера Ройма:

– Две щепотки камеди... Наперсток толченых листьев вальерианы... Лора, не торопитесь, здесь главное – соблюдать пропорции. Теперь давайте вспомним, как мы концентрируемся и направляем энергию. Вдохнули глубоко... Сила намерения по шкале Фергюсона два-три балла.

Мей с силой намерения явно перестаралась. Зелье в пробирке закипело, перелилось через край и затушило огонек.

– Ничего, Мей, – подбодрил ее учитель. – Получится в следующий раз.

Ничего особенного он не сказал, но воспитанницы так привыкли к окрикам и замечаниям, что Мей сначала оторопела, а потом на ее бледной коже появились алые пятна.

Мастер Ройм ничего, конечно, не заметил, но Эйлин предостерегающе покачала головой. Если слух о смущении Мей дойдет до Богомолихи, то нудных нотаций не избежать.

Когда урок наконец закончился и «розочки» вышли в коридор, Мей, раскрасневшаяся и растерянная, прислонилась к стене:

– Ой, девочки, меня ноги не держат... Сейчас упаду...

Верта и Элли подхватили ее с двух сторон под руки. Вертрана достала платочек, сотворила немного влаги, чтобы намочить его, протерла лоб Мей.

– Ты что? Что случилось?

– Ты не видишь? – Элли ответила вместо подруги. – У нашей Мей крыша поехала. Это, кажется, называется любовью с первого взгляда? Так вот, моя дорогая, и думать о нем забудь! Поняла? Лучше сразу, сейчас. Иначе потом тебе будет очень и очень плохо!

Они оттащили Мей к скамеечке и обмахивали до тех пор, пока рыжуха не пришла в себя. Раздался мелодичный хрустальный звон, сообщающий о том, что до начала следующего занятия осталось пять минут.

– Пойдем, Мей. Пойдем...

Следующее занятие – практикум по боевым заклинаниям – проходило в закрытом павильоне в саду, а туда надо было

еще добраться. Поэтому Верта и Эйлин вновь подняли Мей на ноги и повели за собой.

В последние дни похолодало. Хотя до листопада оставалась еще неделя, на улицу уже нельзя было выйти в одном платье. Девушки направились в раздевалку перед черным выходом. Лучшие накидки уже расхватили, пришлось довольствоваться тем, что осталось.

Верта, ворча, запахнула на груди накидку, в которую при желании можно было завернуть всех троих. Элли боролась со сломанной застежкой. Мей уже ожидала подруг, напялив на себя первое, что попало под руку. Эйлин, бормоча под нос что-то о наивных дурочках, деловито поправила на подруге накидку.

– Как же я не люблю эти боевые заклинания! – простонала Вертрана.

Она произносила эту фразу каждый раз перед практикумом, поэтому на нее уже никто не обращал внимания.

– Я ведь девушка, в конце концов, хоть и магисса! Почему я должна уметь сражаться?

– Чтобы защитить своего ненаглядного лордика в случае опасности, – фыркнула Эйлин. – Они ведь такие нежные, беззащитные!

Девушки рассмеялись и уже в приподнятом настроении отправились в павильон.

По дороге они столкнулись с Лорой, Дейзи и Аланой, которые, вместо того чтобы спешить на занятие, застыли по-

среди тропинки и что-то увлеченно обсуждали.

Заметив девушек, Дейзи помахала рукой, приглашая присоединиться.

– Что я знаю! – заговорщически прошептала она.

– Что же? – холодно поинтересовалась Эйлин, которая недолюбливала сплетницу Дейзи.

– На следующей неделе нам устроят первые смотрины!

Вертрану словно ледяной водой окатили! Она вдруг поняла, что совершенно к этому не готова. Одно дело – знать, что теперь, когда она выпускница, это должно было случиться, и совсем другое – когда смотрины вот-вот станут реальностью. Их будут выбирать. Рассматривать точно породистых лошадок. Устраивать испытания... Она едва не застонала от отчаяния. День был безнадежно испорчен.

– Ты знаешь, кто будет? – Элли не потеряла самообладания, хотя и она побледнела.

– Точно не знаю. Вдруг лорды из провинции? Не хотела бы я уехать в какое-нибудь запущенное загородное имение и потом выводить там мышей и тараканов... Но ходят слухи, что появится представитель знатного рода, приближенного ко двору... Знать бы заранее, кто это!

Верта ничего не желала знать. Она мечтала сбежать. Испариться. Уснуть на тысячу лет.

Эйлин смерила ее долгим взглядом:

– Беда с вами, девочки! Одна в обморок от восхищения едва не свалилась, другая готова в петлю лезть! Быстро взя-

ли себя в руки! Если такая уж у нас судьба, что же теперь – вешаться?

Лицо мастера Широ, преподавателя боевых заклинаний, полностью закрывала темная ткань. Не оставалось даже прорезей для глаз. Впервые встретив учителя, Верта подумала, что он слеп, но очень скоро поняла, что ошиблась: видел он ничуть не хуже других, во всяком случае, тут же подмечал любую шалость.

В группе «розочек», когда воспитанницы еще были малышками, ходили самые разные слухи о загадочном преподавателе. Лора настаивала на том, что мастер Широ молод и, конечно, очень красив, потому Сухарь и запрещает ему показывать лицо. Но однажды Дженни и Алана во время прогулки в саду немного отстали от остальных девочек, а когда догнали своих, то выглядели перепуганными до смерти. Вечером, когда Богомолиха ушла в свою комнату, они рассказали о том, что заблудились, свернули не на ту тропинку и неожиданно вышли на небольшую лужайку.

Девочки увидели мастера Широ, стоящего к ним спиной. Он тренировался: одну за другой отправлял огненные стрелы в обугленный и уже довольно потрепанный куст. Алана сказала, что у преподавателя были красивые каштановые вьющиеся волосы.

– А потом? – обрадовалась Лора, надеясь, что ее догадка насчет красоты и молодости подтвердится.

Дженни передернуло.

– А потом он обернулся. И оказалось... – Девочка понизила голос. – Оказалось, что у него нет лица. Оно будто оплавилось. Сгорело, как свечка. Ни носа, ни бровей, ни губ... Брр...

Рано или поздно все воспитанницы узнавали, что мастер Широ был искалечен в битве у Звонящей реки. Многие маги тогда погибли, но все же королевство выстояло перед натиском кочевников. Вот только теперь преподаватель скрывал лицо, чтобы не смущать учениц.

Верта, Эйлин и Мей прибежали в павильон последними – задержались, обсуждая новость о первых смотрах. Их товарки уже разделились по парам и встали друг напротив друга.

– Только вас и ждем, – голос мастера Широ звучал глухо и недовольно. – Давайте на позиции.

Девушки, быстро скинув накидки, бросили их в общую кучу, а после трансформировали форменные платья в костюмы из темной гладкой ткани. Мей еще не совсем пришла в себя после потрясений этого дня, поэтому ее костюм получился розового цвета. «Розочки» захихикали. Впрочем, беззлобно, ведь за долгие шесть лет, проведенных бок о бок, воспитанницы стали ближе друг другу, чем родные сестры. Конечно, иногда они ссорились и ругались, но все-таки это была единственная семья, которую они знали.

– Тихо! – мастер Широ оборвал неуместный смех. – Се-

годня отрабатываем заклятие «сеть», позволяющее обезвредить противника. Все помнят ступени? Давайте устроим поединок.

Каждое заклятие состояло из трех ступеней: слово, символ и сила намерения – основа любого магического воздействия. Верта до сих пор вспоминала, как на первом году обучения саднило горло от бесконечного повторения одних и тех же непонятных слов, как болели пальцы, которыми она чертила в воздухе замысловатые символы. А сила намерения по шкале Фергюсона едва достигала трех. Это было досадно. Силой намерения называли сам магический потенциал. Если он равен трем, то и маг, скажем прямо, никудышный. Вот и колдовала маленькая Верта на троечку. Учителя качали головами и делали какие-то пометки в журнале напротив ее имени.

– Бедная ты, бедная, – как-то пожалела ее Лора, которая уже в одиннадцать лет размышляла над тем, как бы лучше пристроиться в жизни. – Если сила не разовьется, отдадут тебя самому заваляющему лорду в какой-нибудь медвежий угол. Будешь саранчу от посевов отгонять и на чердаке спать...

– Не слушай ее! – вспылила Эйлин. – Ты пришла позже всех, поэтому у тебя пока троечка! Все будет хорошо, сила появится, вот увидишь! На шестерку, а то и на семерку.

– На десятку! – вдохновилась Верта.

– Ну ты ужхватила, – рассмеялась Элли. – Это только у могущественных магов на десятку.

К выпускному классу Вертрана дотянулась до семерки, а слово и символ в заклинаниях использовала машинально, так же легко, как пользовалась пером.

– Шохорос! – раздался хор голосов.

Кто-то опоздал на долю секунды и попал под заклинание соперницы. Мей, выступавшая в паре с Вертраной, кулем повалилась на землю, опутанная «сетью». Верта едва успела смягчить падение. Оглянулась: на ногах, кроме нее, стояли Эйлин, Лора и Алана.

Во втором поединке выбыли Лора и Эйлин.

– Отлично, отлично. Молодцы, Вертрана и Алана.

Мастер Широ был скуп на похвалу, но поединки любил. Может быть, они напоминали ему дни молодости, когда он был хорош собой и полон сил. Верта в очередной раз пыталась представить то последнее противостояние, что так дорого обошлось магу. Видел ли он огненный шар, летящий в лицо? Почему не увернулся? Неужели не хватило сил?

– О чем задумалась, Вертрана? Вставай в позицию!

Верта поплелась к мастеру, загребая носками туфелек слежавшиеся опилки. Надеялась, что учителя разозлит ее медлительность и он выберет соперницей Алану. Все равно выстоять против мастера Широ у воспитанницы не было ни малейшего шанса.

– Поторопись, Вертрана. Что ты плетешься, как сонная муха?

– Я все равно проиграю, – еле слышно проворчала она.

За дерзость можно было лишиться ужина, но мастер Широ обычно не доносил на воспитанниц, а оставлял на дополнительные занятия, где они до головокружения отрабатывали сложные приемы.

– Конечно, проиграешь! – грубо ответил он. – Но не потому, что слаба. А потому, что не веришь в себя!

Верта, как и предполагала, воткнулась носом в опилки, но слова мастера Широ запомнила.

Вечером, готовясь ко сну, подруги принялись обсуждать новость, которую сообщила Дейзи.

– Как это будет? – спрашивала Мей.

Она помогала распустить косы Эйлин, но так волновалась, что только запутала пряди, пришлось Элли, шипя от боли, раздирать колтуны расческой.

– Как, как! – бурчала она. – Что ты как маленькая! Первая встреча всегда происходит в чайной комнате! Да не трясись ты, никто там тебя не съест и даже не покусает. Посидим чинно-мирно. Зато хоть пирожных поедим!

Сладкоежка Мей невольно улыбнулась, а вот Верту не обрадовали пирожные, хотя воспитанницы лакомились ими только по праздникам.

– Как же я волнуюсь...

– Ой, и я, – созналась Дженни.

– И я... Просто жутко! – присоединилась Алана.

Верта лишь сейчас поняла, что в спальне царит необычная тишина: девушки думали о том, что это последний учеб-

ный год в Институте, что время пролетит быстро и совсем скоро каждая из них покинет розовую спальню, став личной помощницей лорда.

– Это ведь... навсегда... – сказала Мей и расплакалась.

Девушки окружили ее со всех сторон, гладили по рукам, нашептывали слова утешения, потом долго сидели на постели Мей, обнявшись. Молчали и вздыхали. Они давно обсудили все, что связано с их предназначением.

В первый год обучения они, наивные глупышки, говорили друг другу: «Мы будем лордам будто заботливые сестры, станем помогать им во всем». Верта никогда в это не верила, но повторяла следом за девочками: «Будто сестры...» И думала иногда: «Потому у магисс и нет детей, ведь откуда взяться ребенку, если лорд точно брат!»

А потом постепенно открылась правда. Лорды не вели себя со своими личными помощницами как братья, отнюдь нет... А для того, чтобы не появлялось детей, проводился специальный обряд «отречения». Никто толком не знал, в чем он заключается, а неизвестность и таинственность, связанная с обрядом, пугала. Незадолго перед выпускным вечером в Институт приезжали маги. Иногда трое, иногда четверо, ведь силы для обряда требовалось немало.

Магов селили во флигеле в глубине сада – маленькое, неказистое здание пустовало большую часть года. Только весной открывались ставни, а по ночам в окнах горел свет. Потемневший от времени дом от этого казался еще более

зловещим...

Выпускниц вызывали во флигель по одной. Вернувшись, они никогда не рассказывали, что с ними делали.

В день первых смотрин занятия у выпускного класса отменили, но выспаться будущим магиссам не дали, подняли даже раньше обычного. С самого утра день заполнился суетливыми приготовлениями. Прислужницы, освобожденные от остальных дел, под строгим присмотром Богомолихи помогали «розочкам» готовиться к встрече.

Девушек отправили мыться, выдав вместо привычного серого мыла ароматное цветочное. Прислужницы, закатав рукава, терли нежную девичью кожу, ополаскивали длинные волосы травяным отваром, а после, закутав подопечных в подогретые полотенца, поили сладким чаем с пряностями.

– А мне нравится такая жизнь, – млела Лора, пока девочка-прислужница, раскрасневшаяся от работы, натирала ей ступни маслом.

– Смотри, как бы тебе потом не пришлось своему лордику пяточки гладить, – остудила ее восторг Эйлин. – Только, боюсь, они не будут такими нежными, как у тебя. Заскорузлые, гадкие, мозолистые пятки.

– Фу-у, Элли! Ну почему тебе обязательно надо быть такой противной!

Однако мозолистые пятки будущего хозяина-лорда сейчас почему-то только позабавили выпускниц. Хохотала даже Мей.

Обед девушкам принесли прямо в спальню, чтобы им не нужно было одеваться и спускаться в столовую. Такого никогда прежде не случалось, и Верта вдруг почувствовала себя особенной, совсем взрослой. Подумать только, и года не пройдет, как она покинет стены, ставшие ей домом. Нельзя сказать, что она была счастлива в Институте, но было и много хороших моментов. И книги, и лучшие подруги, и растущая сила...

После трапезы прислужницы вернулись с нарядами, специально сшитыми для первых смотрин. В течение учебного года воспитанницы ходили в одних и тех же форменных платьях, сами штопали их или накладывали магические заплатки, но на платья для смотрин Институт не скупился: выпускницы должны предстать в лучшем свете.

– Быстро-быстро, девочки! – нервничала Богомолиха, поглядывая на часы. – Нас будут ждать в чайной в пять, а вам еще волосы укладывать.

Вертрane впервые в жизни сделали взрослую прическу. Не косы вокруг головы или скромный пучок на макушке. Ее длинные темные волосы, струящиеся, точно шелк, распустили. Прислужница с раскаленными щипцами в руках приказала сидеть смирно и не шевелиться, не то, «не ровен час, обожжет барышню». Верта послушно замерла, глядя, как пряди ложатся на плечи мягкими волнами.

Волосы Эйлин, наоборот, собрали наверх, выпустив лишь один упругий локон. А к Мей, вот ужас, подступили с нож-

ницами.

– Я не хочу! – пискнула она.

Мей прикрыла ладонями рыжие волосы, которые, несмотря на все усилия прислужниц, даже после натирания маслами вились мелким бесом. Госпожа Гран схватила ее тонкие руки и с силой опустила.

– Надо, милочка моя, – сказала она сурово. – Стрижка больше пойдет твоему лицу.

И Мей, привыкшая терпеть в детстве голод, стерпела и стрижку, только жалобно вскрикнула, когда на пол у ее ног упала, свернувшись колечком, тоненькая рыжая коса. Волосы, которые теперь едва достигали плеч, снова смазали, а после распрямили двумя тяжелыми раскаленными железными пластинами.

– Тебе правда очень идет! – прошептала Верта, когда Мей недоверчиво разглядывала в зеркале новую себя.

– Госпожа Гран, – елеинным голосом поинтересовалась Дейзи. – А вы уже знаете, кто придет к нам в гости?

Дейзи с самого детства умела подластиться к злобной Богомолихе. Та, не любившая никого на свете, проявляла некоторую нежность лишь к тоненькой большеглазой Дейзи.

– Откуда же мне знать, детка. Кто же мне скажет их имена. Знаю только, что их сегодня будет четверо. А вы должны вести себя паиньками и не опозорить Институт и госпожу Амафрею, которая вам как родная мать. Обещаете?

– Обещаем... – раздались робкие голоса.

В детстве Вертрана представляла, как придет на первые смотрины и задаст жару этим лордам! Она им не скаковая лошадь, чтобы торги устраивать. Представляла, как выльет чашку чая кому-то из них на брюки, а другого, щелкнув пальцами, заставит подпрыгивать и кукарекать.

Но сейчас перепуганная и смущенная Верта ожидала, пока прислужница закончит укладывать ее локоны, смотрела на приготовленное для нее платье рубинового цвета и понимала, что на бунт у нее не хватит сил. К тому же она хорошо представляла, что будет после. Ее отдадут первому, кто предложит приличную сумму, и выкинут из Института еще до начала весны...

Нет-нет, она станет действовать умнее. Сперва приглянется к гостям. Вдруг среди лордов попадется приличный человек? Ведь случаются же приличные люди и среди лордов...

А что потом? Вертрана не знала, могла только мечтать. Она попросит выкупить ее и отпустить. Пообещает помогать во всем, но вымолит свободу... Эйлин подняла бы ее на смех, потому Верта не решалась рассказать о своих надеждах даже самой близкой подруге.

Без четверти пять девять «розочек» построились у дверей: Вертрана, Эйлин, Мей, Дейзи, Лора, Дженни, Алана, Габби и Нелл. Верта окинула подруг взглядом. Смотрела и не узнавала. Вот эта блондинка с горделивой осанкой и высоко поднятым подбородком, такая взрослая и холодная, – неуже-

ли это Эйлин? А эта хрупкая, тоненькая рыжеволосая девушка, с кожей белой, точно фарфор, – это Мей? Себя Вертрана с трудом могла представить, но, судя по удивленным взглядам, она тоже изменилась, хотя внутри, конечно, осталась все той же девчонкой, которая совсем недавно лежала, уткнувшись носом в опилки, растрепанная и перепачканная.

Богомолиха пристально оглядела воспитанниц и удовлетворенно кивнула:

– За мной!

По дороге наставления продолжились:

– И не набрасывайтесь на сладости так, будто вас здесь не кормят. Не больше двух пирожных! Чай отпивайте маленькими глотками. Отвечайте, когда спросят. Улыбайтесь. Не смотрите пристально, но и не сидите, как истуканы...

Госпожа Гран напрасно сотрясала воздух: ее подопечные так волновались, что не слышали ни слова.

Когда выпускницы спускались по лестнице, Вертрана заметила, что наверху, у перил, стоят девочки младших классов и смотрят им вслед. Верта вспомнила, как и она сама так же стояла, провожая взглядом взрослых девушек. Таких нарядных, красивых... Таких бледных и растерянных... «Моя очередь наступит еще нескоро! – думала она тогда. – Не сегодня. Не завтра. Впереди еще много месяцев!»

Но теперь этот день наступил.

– Эй, нас не на казнь ведут! – шепнула Эйлин и незаметно

ущипнула подругу за бок. – Кто знает, как сложится наша жизнь. Возможно, все будет не так уж страшно!

Вертана едва заметно кивнула и распрямилла плечи. Она не позволит лордам насладиться ее беспомощностью!

Чайная комната находилась на первом этаже, в правом крыле. Кроме чайной, здесь располагался Большой зал, где устраивали балы и приемы.

Богомолиха еще раз выстроила девушек перед входом в чайную. Поправила кружева и локоны, пощипала щеки Мей, чтобы не выглядели слишком уж бледными.

– Сегодня вам не потребуется показывать свое мастерство. Испытания магии впереди. Это только знакомство. Присутствовать будут не все лорды, как вы уже поняли, но вы должны произвести хорошее впечатление.

С этими словами госпожа Гран толкнула дверь, вошла и придержала ее. Лицо ее, обычно недовольное, осветила улыбка, предназначенная гостям.

– Мы рады приветствовать вас в нашем старейшем учебном заведении, господа. Разрешите представить наших прелестных выпускниц.

Богомолиха кивнула девочкам, застывшим с той стороны двери. «Розочки» не двинулись с места. Вертрона понимала, что должна идти, иначе им всем потом мало не покажется, но ноги просто отказывались повиноваться.

Физиономия госпожи Гран пошла пятнами, улыбка сделалась натянутой. Эйлин прерывисто вздохнула и шагнула

вперед так отчаянно, будто ныряла в омут.

– Очаровательная Эйлин!

Вертрана, зажмурившись, переступила порог.

– Обворожительная Вертрана!

Богомолиха ни разу не повторилась: воспитанницы были чарующими, неотразимыми, пленительными. Вот только Лору она описала как «чудную», от волнения поставив ударение на второй слог. Верта мысленно усмехнулась: вряд ли Лоре это пришлось по душе.

Сердце бухало в груди, в висках стучало. Верта так нервничала, что едва соображала. Взгляд выхватывал то розовые стены, задрапированные тканью («Надо же, даже подобрали цвет под наш выпуск...»), то круглый стол в центре комнаты, сервированный на тринадцать человек. На серебряных блюдах лежали крошечные, с мизинец величиной, пирожные, в креманки было разложено варенье, горкой высились тонкие ломтики поджаренного хлеба, чашки исходили паром: чай уже разлили. У стены стояли прислужницы, тихие, точно тени.

Верта готова была смотреть куда угодно – на стены, на потолок, на вид за окном (правда, это было невозможно, окна оказались закрыты плотными шторами), на прислужниц, но только не на гостей, которые при виде воспитанниц поднялись со своих мест и слегка поклонились.

Лишь сев на предназначенное для нее место и развернув на коленях салфетку, Вертрана подняла взгляд.

Конечно, она видела многих мужчин. И прежде, когда была ребенком и жила свободной жизнью, и во время учебы в Институте, ведь учителями были мужчины, но никогда никто не смотрел на нее так...

Верте не с чем было сравнить. «Как кошка смотрит на птичку, которую хочет поймать!» – вдруг сообразила она, представив институтского полосатого кота Разбойника. Как он затаился, приготовившись к прыжку: глаза горят, хвост ходит ходуном. «Моя добыча!» – написано на усатой морде.

«Моя добыча!» – светилось в глазах незнакомых мужчин. Их взгляды скользили от одной девушки к другой, ненадолго задерживаясь. «Вот эта? Или та? Все так хороши, как выбрать?»

Сердце Вертраны будто сжали в кулак, сдавили так, что сделалось больно дышать. Она чувствовала себя абсолютно беспомощной. Вещью, которую выставили на торги...

За столом возникло неловкое молчание. Растерялась не только Вертрана: притихли все «розочки».

– Я представлю наших гостей, – сказала госпожа Гран. – Прошу любить и жаловать. Благородный лорд Героним из рода Гернаус.

Верта посмотрела из-под опущенных ресниц. Все мужчины старше тридцати казались ей стариками, а благородный лорд Героним точно был стариком из стариков, который почему-то решил притвориться юнцом. Затянул себя в модный жакет, волосы завил колечками. Похоже, когда-то он действительно был хорош собой, но эти времена давно прошли. Мутные глазки скользили по лицам и плечам выпускниц, а Верте чудилось, что он трогает ее липкими руками.

– Благородный лорд Лучиан из рода Адимус.

И этот несколько не симпатичнее. Тоже старый, только, в отличие от лорда Геронима, еще и лысый. Плешь лорда блестела от пота, и тот суетливо вытирал голову мятым платком.

– Благородный лорд Конор из рода Ростран.

Лорд Конор был молод, но Верта едва взглянула, и по коже побежал озноб. Лорд поймал ее взгляд и усмехнулся, показав белые зубы. Не кот, нет... Скорее опасный и лютый зверь. С таким грозит не золотая клетка, а волчье логово. Вертрана неоднократно слышала истории о том, что некото-

рые лорды возвращаются в Институт не раз и не два, выбирая новых магисс. Что случилось с прежними помощницами, никому не известно. Надо будет узнать, не из таких ли лордов благородный Конор.

– Благородный лорд Ханк из рода Одгер.

Пожалуй, юный лорд Ханк единственный из всех производил приятное впечатление. Выглядел он ровесником «розочек» и, кажется, смущался не меньше их, даже щеки покраснели, как часто случается у светловолосых людей. Наверное, совсем недавно получил разрешение старейшины рода на то, чтобы выбрать себе помощницу.

«Вот с кем можно договориться! – обрадовалась Вертра. – Надо ему понравиться! Он еще не испорчен высшим обществом, он добрый, это видно по лицу, и мы сможем стать друзьями!»

Лорд Ханк, заметив ее интерес, робко улыбнулся. Совсем мальчишка! Вот уж кого не стоит бояться. Верта улыбнулась в ответ.

– Подайте мне сахар, пожалуйста, – прошептала она.

Лорд Ханк растерянно ухватился за сахарницу, та выскользнула из его пальцев и опрокинулась. Все сразу засуетились. Девушки-прислужницы бросились убирать со стола. «Розочки» сочувственно ахали. Даже лорды благосклонно поглядывали на юношу, мол, молодость-молодость. Но тут Верта случайно посмотрела на лорда Конора, и сердце снова кольнуло страхом. Он сидел, откинувшись на стуле, и с иро-

нией наблюдал за суматохой. Вертрана поймала его насмешливый взгляд, и лорд снова ухмыльнулся.

«Нет, не смотри на меня!» – пронеслось в голове.

Верте хотелось стать невидимкой! Ну зачем, зачем она уже два раза обратила на себя внимание этого странного лорда. Нет, больше ни за что на него не посмотрит.

Маленькое происшествие оживило встречу. Гости завели светскую беседу на нейтральные темы, а воспитанницы, вышколенные на занятиях по этикету, с легкостью ее поддерживали.

Вертрана оказывала робкие знаки внимания лорду Ханку, надеясь, что не слишком навязчива. А юный лорд рассеянно улыбался всем подряд и, кажется, совсем не замечал интереса Верты.

Зато лорд Героним точно положил глаз на Мей. Все подкладывал ей на тарелку пирожные и заглядывал в лицо. Вертрана посочувствовала бедняжке. Мей боялась показаться неучливой и получить потом взбучку от Богомолихи, и в то же время, глядя, как она отворачивается и закусывает губу, Верта догадалась, что лорд Героним вызывает у рыжули отвращение. Но он ни о чем не подозревал, продолжая рассказывать о том, сколько комнат в его родовом имении, сколько земель и деревень ему принадлежит.

– Хвастливый петух, – прошептала Эйлин, быстро наклонившись к уху подруги.

Между тем лорд вытащил из кармана ленту – бархотку,

которую девушки сразу узнали. Именно такие ленты с именем будущего хозяина носили выпускницы. Мей застыла, будто статуэтка. Подруги, не сговариваясь, прислушались к разговору.

– Времени у меня не так много, чтобы ходить на все эти балы и смотрины, я человек занятой. Моя помощница погибла в прошлом году, не рассчитала сил... Но я сейчас не об этом. Вот думаю, может быть, решить все поскорее?

Мей отпрянула. Похоже, ее самый страшный кошмар – быть отданной старику – скоро станет реальностью. Вот только к бунту нежная Мей не была готова. Если лорд Героним соберется надеть на нее ошейник, она лишь склонит голову.

– Дайте-ка мне взглянуть! – воскликнула Эйлин, вставая в разговор, словно невоспитанная уличная девчонка.

Не успел Героним и глазом моргнуть, как Элли выхватила из его рук украшенную золотым шитьем ленточку.

– О-о! Дорого-богато!

Эйлин, безукоризненно воспитанная, умная Эйлин вела себя будто попрошайка с базара. Зачем-то понюхала бархотку, провела ею по щеке.

– Мягонькая! Да и вы, господин, уж такой красавчик!

В чайной повисла тишина. Вертрانه хотелось спрятаться под стол. Краем глаза она заметила побагровевшую Богомолуху и вцепилась дрожащими пальцами в край столешницы. «Какая я трусиха, – покаянно думала она. – Но Элли-то, Элли... Вот кто настоящая подруга!»

Лорд Героним вдруг расплылся в улыбке, польщенный вниманием:

– Да и ты ничего, милая.

А потом, о чудо, спрятал бархотку в карман.

Щеки Мей порозовели, будто к ней стала возвращаться жизнь. А вот Эйлин теперь накажут.

Маленькие часы на стене показывали, что с начала встречи прошло пятьдесят минут. Первое знакомство обычно длилось не дольше часа, и Вертрана принялась считать минуты. Она не думала, что смотрины дадутся ей так тяжело.

Не беда, что приходилось следить за осанкой, наклоном головы и за тем, чтобы с лица не пропадала доброжелательная улыбка. Хуже всего было ощущать себя яркой вещицей, пусть даже такой редкой и прекрасной, как игрушки на полках в кабинете директрисы.

А еще Вертрону пугал лорд Конор. За все время он не сказал Верте ни слова, но девушку пробирал озноб от одного только его взгляда.

«Ничего, ничего, встреча почти закончилась, – уговаривала она себя. – Да и почему я так боюсь? Он всего два раза посмотрел на меня, так он и на других девушек смотрит. На то они и смотрины...»

– Мне кажется или я чем-то вас испугал? – раздался резкий ироничный голос. – Да-да, вас, Вертрана.

Краска бросилась ей в лицо. «Он запомнил мое имя? Зачем?»

– Вертрана, милочка, посмотри на нашего гостя, или он решит, что ты дурно воспитана.

«После выходки Эйлин он уже ничему не удивится», – хмуро подумала Верта и упрямо продолжила разглядывать свои колени.

– Дорогой лорд Конор, девушка застенчива. Не волнуйтесь, к следующей встрече она исправится. Да и вы перестанете быть незнакомцем, станете ей добрым другом. Да, Вертрана?

– Да, – произнесла Верта одними губами.

– И еще хочу напомнить, господин Ростран, наши воспитанницы принадлежат к простому сословию, к тому же они будущие помощницы. Обращайтесь к ним на ты, прошу вас. Не стоит их баловать.

– И в мыслях не было баловать. Просто маленькая гордячка так высоко задирала нос, что я решил, будто она вообразила себя леди.

Богомолиха принужденно рассмеялась, а следом за ней гости. Громче всех хохотал юный Ханк.

– Это было ужасно, ужасно!

Мей, обхватив колени, сидела на кровати в одной ночной рубашке.

– Ничего ужасного! – отрезала Эйлин. – Этот лорд Героним обычный хвастун и любит пускать пыль в глаза. Никто никого не выбирает при первой встрече. Он просто хотел произвести на тебя впечатление.

– И это удалось, – фыркнула Лора. – Мей до сих пор трясется.

– Но ты, Элли, зачем же тогда... – Мей удивленно посмотрела на подругу. – Зачем рисковала ради меня? Тебя теперь наверняка накажут.

– Накажут? Пф-ф-ф! Я ничем не оскорбила лорда, наоборот, стремилась понравиться. А конкуренция разрешена. Подумают, что я решила отбить богатенького лорда у глупенькой подруги!

«А ведь правда! – восхитилась Вертрана. – Какая Элли ловкая!»

– Кстати, я бы на твоём месте, Меюшечка, не стала вертеть носом, – продолжила Лора. – Лорд Героним из знатного рода, и тебе хотя бы не придется уезжать в захолустье. Да и неизвестно, какие ещё претенденты в этом году. Может быть, из остальных песок сыплется, тогда эти покажутся нам красавчиками.

Девушки, которые вернулись с первых смотрин притихшими и сначала почти не разговаривали друг с другом, ближе к вечеру все-таки немного взбодрились и теперь готовы были обсудить гостей. «Розочки» устроились на кроватях Мей и Эйлин, стоящих друг напротив друга, и стали вспоминать все сказанные фразы и все брошенные взгляды.

– А лорд Ханк такой хорошенький! – прошептала Дженни. – Пусть он выберет меня.

– Нет, меня! Меня! – слышались голоса.

«Он выберет меня!» – решительно подумала Верта.

– А вот лорд Конор очень жуткий... – произнесла Алана вслух то, что вертелось на языках у всех. – И вроде бы ему понравилась Вертрана...

– Глупости! – крикнула Верта. – Какую ерунду ты говоришь! Он на меня и не смотрел!

– Смотрел... – пробормотала Нелл. – Он все время на тебя смотрел.

– Да ерунда!

Вертрана обернулась за поддержкой к Мей, но та отвела глаза, а следом за ней и остальные «розочки». Эйлин, как всегда, оказалась самой храброй.

– Смотрел. Так и что же? Ведь это только начало года. Ты еще десять раз ему разонравишься.

– Да чем он так плох? – удивилась Габи. – Вполне симпатичный даже...

– Он каждый год берет себе новую помощницу, – понизив голос, произнесла Дейзи.

За окном стемнело, магические светильники в спальне едва горели. В детстве «розочки» любили, вот так же сгрудившись, сидеть на кровати, укрывшись одним одеялом, и рассказывать страшные истории. И сейчас после слов Дейзи у всех по коже пробежал неприятный холодок.

– Ест он их, что ли? – Габи хотела пошутить, но голос ее дрогнул.

– Никому не известно, – Дейзи вовсе не шутила. – Ясно

только, что двух помощниц нельзя иметь даже лордам. Значит, прежние... умерли...

Шары-светильники вдруг ярко вспыхнули, подчиняясь воле девяти испуганных девушек. Один, не выдержав силы намерения, треснул и зашипел, рассыпая искры.

– Девочки, девочки... Ну почему же мы не сбежим? – прошептала Нелл, самая тихая и робкая воспитанница, если не считать Мей. – Ну не могут ведь они... вот так... с нами...

– Могут, – отрезала Эйлин. – Могут и делают.

– А сбежать никому не удавалось пока, – подхватила Лора. – Не знаю, в чем секрет и почему беглянок всегда так быстро находят. Так что, девочки, выше носы. Они выбирают нас, а мы будем выбирать их.

После первых смотрин воспитанниц всегда оставляли в покое на несколько дней: давали прийти в себя и привыкнуть к мысли, что их беззаботная девичья жизнь закончилась.

– Трудиться и еще раз трудиться! – воодушевленно вещала за завтраком директриса, которая специально по этому случаю с утра пораньше вышла из своей спальни.

Она встала у стола «розочек», но говорила так громко, что слова слышали все воспитанницы, собравшиеся в столовой.

– Времени остается мало, каждая из вас должна показать все, на что способна, заработать высший балл. Лучшим ученицам я сама дам рекомендацию, даже, может быть, прислушаюсь к их пожеланиям. – И Сухарь неожиданно улыбнулась: – Признавайтесь, мои милые, кто-то из гостей уже успел покорить сердечко?

Улыбка директрисы выглядела насквозь фальшивой. Никогда она не заботилась о чувствах подопечных и сейчас бы не стала. Так зачем ей это?

– Мне очень понравился лорд Ханк, – пролепетала бесхитростная Нелл.

– Ах ты моя крошка, – госпожа Амафрея потрепала «розочку» по щеке. – Да, он достойный молодой человек. Так вот тебе будет отличный стимул хорошенько учиться и стараться обогнать подруг!

Взгляд директрисы остановился на Верте:

– А тебе, Вертрана, понравился кто-то?

«Да плевать ты хотела на мои симпатии, – разозлилась Верта. – Тут явно что-то нечисто!»

– Госпожа Гран порадовала меня, сказав, что ты поладила с молодым лордом Ространом.

– Это неправда! – вспыхнула Верта. – Мы и двумя словами не перекинулись...

– Ну-ну, остынь, – в голосе госпожи Амафреи зазвенел лед. – У тебя обязательно появится возможность познакомиться с ним поближе. А теперь заканчивайте завтрак и за уроки!

Пятый день недели целиком был отведен занятиям целительской магией, которые вел профессор Алеб. Когда Вертрана пришла в Институт, он уже был так стар, что и спустя шесть лет совершенно не изменился: все так же седые пряди выбивались из-под черной шапочки, а на узком подбородке росли два-три длинных волоска. Профессор горбился, когда читал лекцию, почти не вынимал рук из глубоких карманов черной мантии. Но когда проводил практикум, его пожелтевшие пальцы становились ловкими и проворными, а заклинания он прочитывал скороговоркой и ни разу не ошибся.

– От скорости в целительской магии зависит очень многое. Здесь она даже нужнее, чем в боевой, – каждый раз напоминал он. – Если станете медлить, ваш пациент истечет кровью или умрет от яда.

– Невелика потеря, – хмыкнула Алана.

Профессор услышал.

– Глухая девочка, – сказал он. – А ты знаешь, что случается с магиссами, чей хозяин погибает по их вине или недо-
смотру? Они лишаются доверия знатных родов. Их магию
запечатывают...

– И выгоняют?

– Да хорошо, если бы выгоняли. Девушка с руками всегда
найдет способ заработать. Нет, они...

Профессор Алеб вдруг осекся, глядя на склоненные го-
ловки.

– Нет, мои невинные овечки, все намного хуже. Но я не
стану пугать вас. Пусть эта сторона жизни никогда вас не
коснется.

До седьмого курса девушки всегда практиковали заклина-
ния на растениях и животных: магия действовала одинаково
на всех живых существ.

«Розочки» еще малышками полюбили занятия профес-
сора Алеба. Он был добрый и знал множество интересных
историй. А практикумы были совсем не страшные: девочки
вдыхали жизнь в засохшие цветы, помогали прорасти зер-
нам, заживляли листья и прогоняли болезни. Осенью и вес-
ной воспитанницы тренировались в саду, а зимой в крытой
галерее.

На второй год обучения занятия перенесли в приземистое
здание, увитое плющом и стоящее наособицу. Ватага девчо-

нок радостно ворвалась в новый класс и вдруг притихла под тяжелым взглядом профессора.

Помещение сияло белизной и чистотой, вдоль стен стояли металлические столы, начищенные до блеска.

– Снимайте пелеринки и облачайтесь в специальную одежду! – повелел преподаватель.

Только тогда воспитанницы заметили на вешалке у входа синие халаты и торопливо натянули их поверх розовых платьиц. На ноги повязали матерчатые бахилы.

– Мы не лекари, но чистоту следует соблюдать и магам-целителям! Подойдите.

Оробевшие «розочки» приблизились к столу профессора. Мей вскрикнула и разревелась. Следом за ней и Нелл с Лорой. Вертрана прикусила губу: она давно дала себе слово не рыдать по пустякам. А ведь мышь с распоротым брюшком на серебряном подносе – это просто магический трюк, так ведь? Просто иллюзия? Ведь они дети, разве можно им смотреть на такое...

– Она пока жива, – ровным голосом продолжал профессор. – И останется жива, если мы ей поможем.

С тех пор воспитанницы спасали маленькие жизни. Со всего города к незаметной калитке в ограде приносили питомцев – собак, кошек, птиц. Случалось, что профессор не отказывал и владельцам домашнего скота: для тренировки все сгодится.

Вертрана до сих пор со смехом вспоминала, как пегая ко-

за, что лежала во дворе прозекторской, выпучив глаза, после заклинания бодро вскочила и бросилась на свою спасительницу. «Розочки» с писком разбежались от ошалевшей козы, а профессор хихикал дребезжащим старческим смехом.

На людях они никогда не тренировались. Пока.

На занятии, что состоялось в начале листопада, Эйлин задала вопрос, который тревожил всех девушек:

– Кошечки, собачки – это все, конечно, хорошо, профессор. Но сможем ли мы стать настоящими целительницами, если никогда... никогда не потренируемся...

– Ну же, Эйлин, ведь вы самая смелая моя ученица. Договаривайте.

– На людях, – выдохнула она. – Мы будем спасать людей?

– Несомненно, – склонил голову старик. – Уже есть договоренность с больницей для малоимущих, и на следующей неделе мы отправимся в город. Вы шесть лет не покидали институтских стен, но не волнуйтесь, вас буду сопровождать я, а также госпожа Амафрея, ваша классная дама и те из лордов, кто захочет поприсутствовать на практикуме.

– Лорды? Лорды тоже? – шепотом переспрашивали друг друга «розочки». – Это испытание?

– Это испытание, – улыбнулся профессор Алеб. – Но вам нечего бояться, вы все отличные целительницы и справитесь с самыми сложными случаями!

В один из ветреных дождливых дней середины листопада главные ворота Института открылись перед выпускницами.

Пока не для того, чтобы выпустить их в большую жизнь: «розочки» отправлялись в городскую больницу на практикум. Но для них это было значительное событие, почти приключение.

Вертрانه не терпелось полюбоваться на знакомые с детства улочки и, может быть, краем глаза посмотреть на дворик, где она выросла. Она не надеялась увидеть маму или брата, ведь они, получив деньги, могли уехать куда угодно, поэтому Вертрана запретила себе вспоминать о них. Но даже домику, выкрашенному желтой краской, двухэтажному старому домику, где на первом этаже раньше располагалась обувная мастерская, а на втором жила дружная семья Анелли, Верта обрадовалась бы, как доброму другу.

«Розочки» ежились от холода под тонкими накидками, порывы ветра то и дело срывали капюшоны. Девушки совсем продрогли, дожидаясь, пока подадут кареты. Институт не держал своих лошадей, это было ни к чему, ведь воспитанницы почти никуда не выезжали. Для особых случаев, таких, как сейчас, экипажи нанимали.

– Быстро, быстро садитесь! – скомандовала госпожа Амафрея, увидев, что из-за поворота показались кареты. – Вертрана, Эйлин, Мей едут со мной. Алана, Дейзи, Дженни – с госпожой Гран...

Директриса продолжила распределять воспитанниц, но Верта уже не слушала, только вздохнула. Вот же не повезло им очутиться в одной карете с Сухарем!

Госпожа Амафрея плотно задернула шторы на окнах, отчего в карете сделалось темно и душно, а потом откинулась на спинку скамейки и закрыла глаза.

Подруги какое-то время молчаливо переглядывались, но решив, что Сухарь задремала, сгрудились на одной скамейке и, потихоньку отодвинув занавеску, стали любоваться в узкую щелочку на проплывавшие мимо дома, улочки и переулки.

Верта, которая в детстве в компании сверстников-сорванцов облазила город вдоль и поперек, бывала и в разрушенных катакомбах, и в заброшенных садах, теперь едва узнавала его. Родной город вдруг показался ей грязным и жалким. Но она понимала, что город не изменился, изменилась она сама, и Верте вдруг стало грустно.

Прохожие, заметив кареты, останавливались и смотрели вслед. Один раз до слуха девушек донеслись голоса двух мальчишек-подростков.

– Хоть бы одним глазком взглянуть, – сокрушался один, – какие они все красотки!

– Красотки-то красотки, – пробурчал другой. – Да не про твою честь. Их для господ растили.

– А они-то небось и рады. Продажные стервы...

Карета свернула за угол, фраза оборвалась. Девушки отшатнулись от окна и, не глядя друг на друга, расселись по местам. Вот, значит, как многие о них думают! Неужели не понимают, что у них просто нет выбора?

Больница для малоимущих расположилась в одном из беднейших кварталов города. Когда Вертрана, Эйлин и Мей выбрались из экипажа, жмурясь от света, на крыльце их уже ожидали все остальные.

Профессор Алеб, не теряя времени, рассказывал воспитанницам о том, что в больнице лечат бесплатно, что известные маги – целители и лекари – стараются выкроить время в своем плотном графике, чтобы оказать посильную помощь, и выпускницы Института по старинной традиции тоже стажировались здесь.

– Это так почетно – помогать беднякам, – прошептала Нелл.

– Просто знатные господа нас и на пушечный выстрел к себе не подпустят, пока нам не выдадут диплом, – пробормотала Эйлин, так что слышали ее только Мей и Вертрана.

– А лорды приедут? – встрепелась Лора, вспомнив обещание учителя.

– Да, детка, – благосклонно улыбнулась госпожа Амафрея. – Правда, посещение больницы не самое любимое испытание у наших утонченных гостей. Думаю, самые смелые уже собрались в кабинете главного лекаря.

Самыми смелыми оказались юный лорд Ханк, при виде которого на лицах воспитанниц заиграли улыбки, незнакомый пока лорд Артур из рода Оглаут – пухленький невысокий мужчина – и...

– Снова он! – простонала Верта, увидев, что последним

из двери кабинета вышел ненавистный лорд Конор.

Она нырнула за спины подруг, благо невысокой Вертрانه легко было спрятаться за более рослыми воспитанницами.

– Да он и не глядит на тебя, – прошептала Эйлин.

Лорд Конор действительно не смотрел на Вертрану. Он вообще будто не замечал «розочек», шел, погруженный в свои мысли. А вот Верта украдкой поглядывала на мужчину.

«Да что же я все пялюсь на него? – недоумевала она. – Ведь так я невольно привлеку его внимание, а мне это совсем не нужно!»

В конце концов Вертрана объяснила свое нездоровое любопытство тем, что лорд Конор сегодня выглядел странно. Он словно не спал всю ночь, а под утро прикорнул на скамейке в парке: сюртук мятый, на лице проступила щетина, волосы будто пятерней причесывал. Вот только взгляд, когда лорд Конор посмотрел на профессора, мгновенно сделался острым. А в ответ на какой-то вопрос лорда Ханка он отшутился в своей обычной иронично-резкой манере.

Хотя «розочки» волновались из-за присутствия гостей, еще больше они переживали из-за самого практикума. Все же люди, настоящие живые люди, это такая ответственность. Вдруг не справятся, сделают только хуже?

Но оказалось, что нервничают они напрасно. Наверное, чтобы не расстраивать высоких гостей, а может быть, из-за того, что это был первый практикум в больнице, пациентов для выпускниц подобрали совсем не сложных. И даже разместили их в отдельной чистенькой палате.

Девять больных лежали на кроватях, застеленных белоснежными простынями, и, судя по напряженным лицам, никак не могли взять в толк, что происходит. Беззубый мужичонка все ощупывал свою бороду и удивленно качал головой.

– Что случилось, голубчик? – ласково спросил его главный лекарь. – Что беспокоит?

– Бешпокоит меня, гошподин, што борода такая мяхкая...

– Ну-ну, борода – это не самый важный орган, – улыбнулся лекарь. – Почему же, как ты думаешь, она сделалась мягкой?

– Да што тут думать. Вымыли меня, ироды! В чан с кипятком жатолкали. Я им кричу: «У меня брюхо болит, а вшей нет!» Все равно жатолкали!

Лорды приснули от смеха, даже лорд Конор усмехнулся. «Розочки» старательно кусали губы, чтобы не хихикать, ведь это так вульгарно.

– Хорошо, голубчик, вылечим мы твое брюхо. Кого же посоветуете, профессор? – обратился он к профессору Алебу. – Какая из ваших учениц справится?

– Не сомневаюсь, что любая, – вскинул подбородок преподаватель. – Алана, рискнете? Не переживайте, я отслеживаю каждое ваше заклинание и не дам навредить пациенту.

Побледневшая Алана тем не менее расправила плечи и приблизилась к мужичку, остальные же, наоборот, отошли на несколько шагов, чтобы не мешать. Больной исподлобья взглянул на будущую магиссу.

– Што-то ты, милая, совсем девочка. А не укокошишь старого Бурсу?

Алана ничего не ответила: она просто не услышала вопроса, сосредоточившись на лечении. Сначала, как учили, попыталась «нащупать болезнь», ее тоненькие пальцы перебирали воздух, будто плели невидимое кружево. На лбу выступили капельки пота. Старый Бурса всхрипнул: целительница погрузила его в глубокий сон.

Все, кто обладал магическим зрением, видели сейчас, как рвется, подчиняясь заклинаниям, темная материя, окружившая больного плотным коконом. Она истончалась и разлеталась паутинками.

– Готово, – прошептала воспитанница.

– Готово? – недоверчиво приподнял бровь главный лекарь. – Избавила беднягу от язвы желудка одним махом?

– Подтверждаю, – вышел вперед профессор.

– А как иначе, – подала голос госпожа Амафрея. – Выпускницы Института не зря пользуются таким спросом!

Конечно, эти слова были обращены к лордам. Хотя они и так остались под впечатлением. Лорд Ханк и лорд Артур вполголоса обсуждали что-то, бросая на Алану заинтересованные взгляды. Только по бесстрастному лицу лорда Конора невозможно было догадаться, о чем он думает.

– Теперь я! – опомнилась Вертрана, а то так, глядишь, лорд Ханк уплывет к Алане.

– И я.

– Нет, я!

– Разрешите и мне попробовать!

– Тихо, тихо, девочки! – урезонила их Богомолиха. – Как вы себя ведете! Все покажут свои силы, для каждой подготовлен пациент.

Вертране досталась девчушка с больным ухом. Вылечить малявку оказалось нетрудно, сложнее всего было подобраться. Увидев приближающуюся к ней магиссу, девочка разревелась басом.

– Да что ты, маленькая! Не бойся, все хорошо. Тебя как зовут? Меня Вертрана. Дай-ка я посмотрю твое ушко...

Но заговорить зубы малявке не удалось, она вдруг соскочила с постели и бросилась наутек. Далеко не убежала, за-

бралась под кровать Бурсы, но и Вертрана не растерялась, бухнулась на четвереньки и заползла следом. Когда появилась снова с девочкой на руках, та была уже полностью здорова: Верта лишь кончиками пальцев прикоснулась к мочке уха – и воспаление прошло.

Хохотали все. И лорды, и «розочки», и профессор, и даже Богомолиха и директриса. Только лорд Конор не смеялся и смотрел на запыхавшуюся Вертрану со скучающим презрением.

Не прошло и часа, как все пациенты выздоровели. Конечно, и случаи были несложные, но профессор Алеб выглядел довольным, гордился ученицами.

– Да вы нам так всех больных вылечите! – пошутил главный лекарь.

– Да разве бедноту вылечишь, – скривилась госпожа Амафрея. – Они ведь плодятся, как тараканы, и мрут от всякой заразы...

– А теперь прошу всех в мой кабинет на чай! – поспешил заполнить неловкую паузу главный лекарь.

Чай пили стоя, обступив небольшой круглый стол. «Розочки» раздумянились и без конца улыбались. А Вертрана вдруг подумала, что ей очень по душе такая жизнь. Вот бы каждый день делать что-то нужное, правильное, а потом торопливо, без всяких церемоний пить обжигающий чай с обычным хлебом и чувствовать, что живешь не напрасно...

– Что же, уважаемые гости, как видите, вы можете не вол-

новаться за свое здоровье, когда рядом такие помощницы, – кокетничала Богомолиха.

– Кстати, может быть, кто-то из вас и сам готов отдаться в ручки нашим прекрасным магиссам? – подхватил профессор.

Лорд Конор поставил чашку на стол и как будто собирался что-то сказать, но лорд Ханк его опередил:

– Да, готов!

Решительно взял в руку нож, оставленный на столе, и резанул по ладони.

– Ах! Вы такой смелый! Такой отважный!

«Розочки» окружили юного лорда, точно тот был героем, вернувшимся с поля боя. Лора выхватила кружевной платочек и поскорее обернула раненую руку. Вертрана не отставала от товарок. Так же, как и все, не отводила взгляда от лорда. «Разрешите мне вылечить вас!» – умоляли ее глаза.

Лорд Ханк наслаждался вниманием. Медлил, выбирая целительницу. В конце концов благосклонно кивнул Дейзи:

– Попробуй ты, голубушка.

А та и рада! Ладонь гостя вспыхнула голубоватым сиянием – Дейзи расстаралась не на шутку, применила к небольшому порезу заклинание, годившееся для смертельных ран. Столько силы выплеснула, что побелела и едва удержалась на ногах, а лорд даже не понял, что его вылечили ударной дозой магии.

«Так тебе и надо!» – рассердилась Вертрана, расстроенная

из-за того, что лорд Ханк выбрал не ее, но тут же устыдилась.

Лорд Ханк поднял руку, показывая тонкий белый шрам. Лорд Артур зааплодировал.

– Это, несомненно, очень интересно, – медленно произнес лорд Конор. – Я уверен, дорогой господин Одгер, что вашей помощнице придется ежедневно спасать вас от порезов. Вы ведь уже начали бриться? Тогда тем более... Однако я хочу предложить задачу посложнее.

Он обвел взглядом притихших выпускниц и остановил его на лице Вертраны:

– Ты поможешь мне.

Лорд Конор не спрашивал, он приказывал. Ничего не оставалось, как кивнуть.

Он вынул из кармана флакончик размером с фалангу пальца, в котором переливалась ярко-красная жидкость.

– Яд рассара. Убивает в течение десяти секунд.

Все присутствующие в кабинете ахнули и невольно отшатнулись.

– Зачем так рисковать, дорогой лорд! – воскликнула госпожа Амафрея.

– Профессор, страхуйте! – крикнул главный лекарь.

Не обращая внимания на возгласы, лорд Конор откупорил флакон и вылил его содержимое в рот.

– Десять... – хрипло произнес он.

И тут же у него перехватило дыхание, губы посинели. Лорд Конор оперся ладонями о стол, стараясь удержаться на ногах. Он не шутил, он на самом деле отравился.

«Ненормальный! Да что же ты творишь!» – мысленно заорала Вертрана.

Профессор кинулся к лорду, но тот из последних сил отстранил его. Темные глаза напоминали провалы на мгновенно осунувшемся лице. Он, не отрываясь, смотрел на Верту.

– Девять... – прошептала она.

И звук собственного голоса привел ее в чувство. Она кинулась к лорду, рванула воротник, освобождая горло, помогая сделать вдох. Яд рассара вызывал паралич мышц, и если не вспомнить нужное заклинание, то этот глоток воздуха может стать для господина Ространа последним.

– Восемь! – крикнула Эйлин.

А после и остальные «розочки» подхватили обратный отсчет.

– Семь!

«Думай, Верта, думай!»

– Ложитесь!

Упрямый лорд Конор только сузил глаза и остался стоять, всем весом навалившись на столешницу.

– Вы сейчас мой пациент! Обязаны слушаться!

Верта махнула рукой и использовала заклятие «сети», со всем недавно изученное на занятии боевой магией. Как вовремя пригодилось!

– Шесть!

Неужели прошла только секунда? Еще половина времени в запасе – целая вечность!

Вертрана положила обе ладони на грудь лорда Конора, зазмурилась. Она ощутила, как под ее пальцами бьется сильное сердце, но ритм его уже сбивался, угасал.

«Яды... Яды... Думай, вспоминай!»

«Проще всего запомнить и применять универсальное заклинание от любого яда», – словно наяву, раздался в голове размеренный голос профессора. Верта увидела себя, тринадцатилетнюю, на вытоптанном до земли дворишке. У ее ног мелко подрагивала пегая козочка: бедняга обьелась дурной травы и уже готовилась покинуть этот бранный мир. Хозяйка, плача, долго уговаривала профессора позаботиться о неразумной скотине.

– Да на что она мне, – отпирался тот. – К тому же такая дура! Мы вылечим, а она потом снова нажрется!

– Деточек ваших поучите, – всхлипывала та. – Как отравления-то лечить. Всегда сгодится!

– Всегда сгодится, – задумчиво согласился профессор.

Козу общими усилиями перетащили от калитки и оставили у крыльца.

Это был единственный случай, когда учитель рассказал о действии универсального заклинания. Слишком много сил оно забирало, а девочки были еще слишком юными. Уже потом они учили заклятия от мышьяка, от цианида, от цикуты, от укусов змей. Вертрана была уверена, что забыла нужные слова и символы...

– Пять!

Она приблизила свое лицо к лицу лорда, сделавшемуся мучнистым. А ведь он сейчас полностью в ее власти. Опоздай она хотя бы немного... И никто не посмеет обвинить: господин Ростран сам оказался слишком беспечен, у нее целая комната свидетелей.

– Четыре!

– Не выбирайте меня, – прошептала она. – Я спасу вашу жизнь, но только оставьте меня в покое.

– Три!

Лорд Конор выгнулся дугой: мышцы скрутило судорогой. Вертрана начала один за другим быстро чертить в воздухе знаки. Они таяли, оставляя после себя золотистый отсвет. Ее пальцы, а потом и ладони засияли.

– Аснехт... – шептала она. – Креус...

Волна света полилась из ее рук в грудь легкомысленного лорда, а сама Вертрана ощущала, как из нее вытекает сила. Чувство было такое, что она целый день, а потом еще и всю ночь таскала тяжелые камни.

– Два!.. – крик раздался где-то далеко-далеко, будто бы за

стеклянной перегородкой.

Лорд Конор сделал судорожный вдох.

– Один...

Вертрана ухнула в темноту.

Потом ее долго отпаивали чаем, куда сам главный лекарь плеснул капельку бальзама. Верту укутали в одеяло, на блюдечко положили несколько кубиков сахара. А ведь утром им разрешали взять только по одному кусочку, за ужином же и вовсе подавали несладкий чай. Теперь же сама директриса проследила за тем, чтобы Верта съела все до крошки.

Притихшие девушки сочувственно смотрели на Верту. Но где же лорд Конор? Вертрана обвела комнату обеспокоенным взглядом и увидела его, как ни в чем не бывало стоящего у стола с бокалом вина в руке. Все верно, вино нейтрализует остатки яда.

Лорд не смотрел на свою спасительницу, занятый беседой с профессором Алебом. Казалось, что случившееся несколько его не взволновало. Он либо сумасшедший, либо любитель острых ощущений... Такие люди совершают отчаянные поступки: устраивают бессмысленные дуэли, карабкаются на скалы, переплывают бурные реки... готовы на все, чтобы только пощекотать нервы.

– Очнулась, девочка! – голос профессора прозвучал так ласково, что Вертрана едва не расплакалась от жалости к себе. – Умница. За сегодняшний практикум я ставлю тебе высший балл.

– Да, неплохо, – сухо согласился лорд Конор.

Помнит ли он о ее просьбе? Если есть в нем хотя бы капелька благородства...

– Вертрана еще на шаг приблизилась к тому, чтобы стать магиссой дома Ростран. – Он ухмыльнулся, глядя ей в глаза.

Вертрана, Эйлин и Мей медленно шли по саду. Опавшие листья сегодня утром покрылись тонкой корочкой инея и хрустели под башмачками. Деревья стояли почти голые, прозрачные. Листопад подходил к концу, через три дня наступит снежник, а там и зима не за горами – время балов.

Подруги отпросились у Богомолихи прогуляться после занятий, но на самом деле хотели обсудить наедине друг с другом все, что накопилось.

– Твой-то не пришел на последнюю встречу. Он скучает на этих чаепитиях, может теперь и не явиться до следующего испытания!

Мей думала подбодрить Вертрану, но сделала только хуже.

– Он не мой! – вспыхнула та. – Разве ты видишь на моей бархотку с его именем? С таким же успехом я могу называть лорда Геронима – твоим!

Мей покраснела и прикусила губу.

– Тихо, тихо, девочки! – Эйлин не позволила ссоре разгореться. – Мей не очень удачно выразилась. Она лишь хотела сказать, что ты можешь не переживать до того, как начнутся испытания, на чаепитие лорд Конор больше не придет.

Подруги какое-то время молчали, но потом осторожно продолжили разговор. К этому дню выпускницам предста-

вили всех лордов, и теперь девушки пытались выбрать, кто им наиболее симпатичен, чтобы в будущем постараться обратить на себя их внимание. Они решили, что не станут мешать друг другу, но как же трудно оказалось договориться!

– Лорда Конора, лорда Геронима и лорда Лучиана сразу вычеркиваем, – сказала Эйлин.

– Маньяк и старикашки, – подтвердила Вертрانا.

– Если подумать, то из молоденьких только лорд Ханк, – вздохнула Мей. – Но он всем нравится...

– Остальные, конечно, не так молоды, но и до дряхлости им далеко, – продолжила перебирать Элли. – Лорд Артур...

– Пузан, – подсказала Верта.

– Лорд Бетхор... Мы его, правда, видели только один раз, но...

Все трое вспомнили, какими сальными глазками поглядывал на «розочек» лорд Бетхор, как потирал вспотевшие ладони.

– Бэ-э! – выразила общее мнение Вертрана.

– Девочки, но кто-то из них должен стать нашим хозяином, – развела руками Эйлин. – Ладно. Лорд Ирвин вроде неплох.

– Вроде нет, – согласилась Мей.

Правда, о лорде они помнили только то, что у него темная борода клинышком и длинные пальцы, униженные перстнями.

– Лорд Велир из знатного и богатого рода, живет в столи-

це, – перечислила Эйлин все, что знала об очередном претенденте. – И все говорят, что у него мягкий характер. Не красавец, конечно, но...

– Жаль, что лорд Конор такой пугающий, – встряла Мей. – А так ведь, если смотреть на лицо и фигуру, – красавчик...

– Вот и забирай его себе! – снова вспылила Вертрана, у которой любое упоминание о ненавистном лорде вызывало нервную дрожь.

Рыжуля опустила голову:

– Если бы я могла, то забрала бы себе мастера Ройма.

Занятия по зельеварению по-прежнему давались Мей тяжело. Едва преподаватель приближался к ней с совершенно невинными целями – указать на ошибку или оценить выполненное задание, – бедная «розочка» бледнела, замирала на месте и едва не теряла сознание.

– Забудь! – строго приказала Эйлин. – Сколько можно! Пожелай мастер Ройм вступить в торги за помощницу, тогда, возможно... Но он учитель! И помни, ты ничем не должна выдавать своих чувств, а то Сухарь прознает – и больше ты своего ненаглядного мастера не увидишь.

– Да-да, – безропотно согласилась послушная Мей и наклонила голову, пряча слезы.

– Лорды! – напомнила Элли, из-за чего, собственно, они бродят сейчас по саду и уже отморозили себе уши и носы. – Будем выбирать из того, что есть. Допустим, я совсем не против лорда Велира.

Вертрана и Мей переглянулись и недоверчиво посмотрели на свою красавицу подругу.

– Серьезно? Но ведь он... такой...

– Какой? Да, не мужчина мечты. Но он знатен, добр, и я чувствую, что мой характер гораздо сильнее. Я никогда не питала иллюзий по поводу того, что смогу полюбить хозяйина, это попросту глупо. Но с ним рядом мне не угрожает опасность, я проживу долгую и безбедную жизнь.

В словах Эйлин звучала горькая истина. Вертрана всегда знала, что подруга куда разумнее их, наивных и романтичных дуручек. Она принимала выбор Элли, но как же грустно было от мысли, что таким, как они, можно забыть об искренней любви.

– Хорошо. А я тогда попытаюсь добиться расположения лорда Ханка, – сказала Верта.

– А я... Мне все равно... – прошептала Мей.

– Может быть, лорд Серж? Или лорд Марий? – напомнила Эйлин о двух последних претендентах.

Но их «розочки» видели один раз мельком и не могли сказать чего-то определенного. Мужчины как мужчины, ничего выдающегося.

– Не беда, еще есть время подумать, – улыбнулась Элли.

Она заботливо поправила капюшон Мей, отряхнула рукава накидки от снежной пыли, а потом обняла. Мей едва доставала высокой подруге до плеча, она прижалась к Элли, как маленькая, уткнулась лицом в меховую опушку плаща.

Вертрана тоже подошла, обняла со спины.

– Подруги навсегда, – сказала она тихо.

– Навсегда... Навсегда... – эхом откликнулись «розочки».

Занятия в Институте продолжались своим чередом. Выпускницам не делали поблажек, наоборот, учителя будто бы сговорились между собой наспиговать бедные юные умы знаниями под завязку, так что «розочки» каждый вечер падали от усталости и порой даже забывали о смотринах и испытаниях.

Их уже представили всем лордам, и постепенно смятение и растерянность первых встреч прошли. «Розочки» привыкли к тому, что к ним приглядываются, их оценивают и выбирают. Если в прошлом году девушки иногда позволяли себе помечтать о несбыточном – о любви и семье, теперь же разговоры как отрезало. Выпускницы вдруг как-то сразу повзрослели, а если кто-то еще хранил в глубине сердца надежды, то предпочитал в этом не признаваться.

– Дейзи, эй! Отдай!

Вертрана попыталась выхватить из рук Дейзи клочок бумаги, над которым билась уже больше часа, испещрив обрывок крошечными символами. Эта была ее шпаргалка по рунологии, которую Верта терпеть не могла. Ну не запоминала она руны, хоть тресни! Они все напоминали ей раздавленных жуков – и, что самое ужасное, совершенно одинаковых жуков.

Вот жук согнул лапку – это руна «Та», солнце. А здесь жук распрямил лапку и вырастил ус – это уже «Кос», смерть.

Дейзи, подразнив Верту, все же протянула ей скомканную бумажку.

– Да не порти ты глаза! Все равно это бестолковая наука, в жизни не пригодится! Забытая письменность. Или ты собираешься разбирать древние заклęcia, нанесенные на черепа... М-м-м... Черепки?

– На глиняные пластины, которые до сих пор находят в захоронениях. И да, иногда они не расшифрованы! – парировала Верта, обмакивая кончик пера в миниатюрную чернильницу и собираясь продолжить начатое, но вдруг задумалась. – Ты права... Вряд ли хотя бы одна попадет ко мне в руки...

– Да, девочки, боюсь, нам придется потратить жизнь на бытовые заклинания. Выводить пятна с ковров, превращать лен в шелк и насылать безвредные сонные чары на орущих хозяйских детей, – вздохнула Алана.

– А еще будем лечить несварение желудка и похмелье! – буркнула Дженни.

– И охранять от полчищ врагов, у-у-у! – Нелл сделала страшные глаза и оскалила зубы. – Знаете, когда мне было лет пять, я думала, что мужчины должны защищать женщин, а не наоборот!

– Забудь! – хмыкнула Габриэлла. – Мы ведь еще и телохранительницы!

Она поежилась, представив, видно, надвигающиеся на нее полчища врагов.

– Если честно, надеюсь, что до этого дело не дойдет. Все, на что я способна, – отпугнуть бродячего пса... Ладно, в крайнем случае заранее зачарую с десятков амулетов и обвешаю ими своего лорда.

– Кстати, я знаю, каким будет следующее испытание! – сказала Дейзи.

Она хитро оглядела притихших «розочек» и многозначительно замолчала, надеясь услышать уговоры. Конечно, дождалась.

– Ну, Дейзи! Говори! Говори поскорее! Где, когда? Что за испытание? Да почему же ты молчала?

Очаровательная сплетница кокетливо пожала плечиком:

– Да вы заговорили об охране, вот и вспомнила. Послезавтра на занятии у мастера Широ проверят наши боевые навыки! Мастер Широ будет изображать злодея, а мы станем спасать лордов. Вот!

– Ох... – Мей прижала ладони к горящим щекам. – Я не справлюсь, не справлюсь...

Впрочем, она повторяла эти слова перед любым экзаменом, поэтому никто не бросился утешать подругу, только Эйлин потрепала рыжую по плечу и кивнула: «Справишься, куда ты денешься!»

Вертрана поставила на листе последнюю закорючку, а потом, смяв, подбросила в воздух и обратила в огненный ша-

рик. Бумага, еще не долетев до пола, осыпалась горсткой пепла. Вертрана всегда так готовила шпаргалки: процесс ее успокаивал, а дописав до конца, она понимала, что все выучила.

В день испытания девушек собрали в холле первого этажа. Горел камин. Здесь огонь разводили нечасто, в основном топили печи в подвале, откуда тепло поднималось в комнаты воспитанниц и классы. В холл принесли кресла для лордов и лавочки для выпускниц. Прислужницы разносили на подносах чай и булочки, но Вертрана, взяв чашку, не могла сделать и глотка: у очага, вытянув длинные ноги, сидел лорд Конор. На Верту он не посмотрел ни разу, но это ничего не значило, он и в прошлый раз казался безразличным.

Богомолиха расхаживала между креслами, приветливо улыбаясь и расспрашивая гостей, удобно ли им, и обещала, что испытание вот-вот начнется. Время от времени она сцепляла у груди костлявые худые руки, и тогда становилось понятно, что госпожа Гран волнуется: мастер Широ задерживался.

Преподаватель боевых заклятий явился с опозданием, но зато не один. Увидев человека, стоящего рядом с мастером, девушки переглянулись и стали перешептываться: «Это он? Тот самый?»

В прошлом году перед обрядом отречения в Институт в числе прочих приглашенных магов пожаловал и мастер Лот – непревзойденный создатель иллюзий. Говорят, его сила намерения по шкале Фергюсона равнялась десяти. На выпуск-

ном вечере он устроил для воспитанниц настоящее чудо: зал погрузился в темноту, а в следующее мгновение все, кто присутствовал на празднике, оказались в прекрасном саду, где благоухали цветы, пели птицы, на деревьях росли сладкие плоды – вкусные, Вертрана сама пробовала, а над головой сияло солнце, хотя время приближалось к полуночи. Мастер Лот поддерживал иллюзию почти час и очень впечатлил девушек. Зачем же он прибыл сегодня?

Загадка скоро разрешилась.

– В этом году испытание боевых навыков будет необычным, – сообщил преподаватель. – Сложным, но интересным. Уважаемый мастер Лот создаст для каждого из наших гостей особенную иллюзию. Я стану сопровождать лорда и выбранную им девушку к павильону. Перешагнув порог, они окажутся... где угодно!

– Как восхитительно! – воскликнул лорд Ханк. – Вот это аттракцион! Разрешите мне первому испытать удачу!

Но не всем гостям сюрприз пришелся по душе. У лорда Геронима вытянулось лицо, а лорд Артур принялся испуганно озираться.

– А это точно безопасно?

– Для вас это абсолютно безопасно, – склонил голову мастер Широ. – Пострадать могут только наши воспитанницы. Но что же, значит, надо было усерднее заниматься... Впрочем, я уверен в каждой из них.

Он поклонился лорду Ханку:

– Вы готовы? Выберите помощницу, которая станет вас сопровождать.

«Розочки» встrepенулись. Каждая из них была бы рада пойти с юным лордом, но Богомолиха строго-настрого приказала вести себя смирно и тихо. «Хотя бы один неуместный выкрик, и виновная будет наказана! – шипела она, собирая подопечных. – Хватит и того, что на первой встрече Эйлин вела себя как торговка с базара. Смирение, послушание и прилежание. Не забывайте об этом!»

«Меня, выбери меня!» – мысленно просила Вертрана.

Если она пройдет испытание с лордом Ханком, то лорд Конор уже не сможет указать на нее.

Лорд Ханк поймал ее отчаянный взгляд и улыбнулся благосклонно. Сердце Верты радостно подпрыгнуло, но тут из кресла у камина раздался скучающий голос:

– Если не против, Ханк, брюнеточку я оставляю для себя.

– Да, конечно, – тут же уступил он.

Как сквозь пелену Вертрана услышала, что было названо другое имя – молодой лорд пригласил Дейзи.

«Ненавистный лорд Конор! Да что тебе от меня надо!»

Испытание началось. Мастер Широ по очереди уводил за собой лордов и их избранниц. Некоторые возвращались быстро, другие отсутствовали больше получаса. Вертрана всматривалась в лица подруг и пыталась понять, что ее ждет в павильоне. Но воспитанниц сразу отправляли в дортуар,

Верте не удалось перекинуться ни с одной из них и словом. Лора вернулась довольная, Эйлин сохраняла обычное спокойствие. Мей прятала покрасневшие глаза, ее шатало от усталости, а лорд Героним заботливо поддерживал ее под локоть.

Постепенно холл пустел. Вертрана вся извелась, ожидая, когда наступит ее очередь, но лорд Конор словно забыл про нее, сидел, глядя в огонь.

«Он специально мучает меня?» – думала Верта.

Вернулись лорд Артур с Нелл. Она, едва переступив порог, закрыла лицо руками и бросилась бежать.

– Нелл! Нелли! – крикнула вдогонку Богомолиха.

Но «розочка» не ответила. Каблучки застучали по ступенькам и затихли на втором этаже.

– Так неудачно получилось, – пожал плечами лорд Артур. – Невероятно живые иллюзии. Я лишь хотел посмотреть, на что способны ваши девочки, если опасность угрожает им, а не мне. Кто бы мог подумать, что та банда головорезов решит позабавиться... Само собой, ей не причинен ущерб, она лишь испугалась.

– Дорогой лорд, вы вовсе не обязаны оправдываться! – проворковала госпожа Гран. – Конечно, мастер Широ не допустил бы последствий!

Лорд Конор не отводил взгляда от огня, будто не слышал ничего, что происходило вокруг. Пришлось Богомолихе самой обратиться к гостю:

– Господин Ростран, вы готовы?

Тот вздернул голову, огляделся, точно не сразу понял, где находится. Заметил Вертрану, сжавшуюся на краю лавки, свел брови к переносице:

– Что-то ты трясешься как осиновый лист. Хороша помощница. Как же ты собираешься защищать меня, любимого? Или надеешься своим кислым видом вызвать несварение желудка у наемных убийц?

– У наемных убийц? – пролепетала Вертрана.

– У наемных убийц, стаи волков, огнедышащих драконов... – Лорд Конор развел руками, показывая, что список опасностей, грозящих ему, неисчерпаем. – Да какая разница! – Отмахнулся от молчащей Вертраны, как от комара. Бодро вскочил на ноги: – Идем!

Павильон, к которому Вертрана привыкла за годы занятий, снаружи выглядел как обычно, только изнутри окна закрывала темная ткань. Мастер Лот чуть поклонился лорду Конору:

– Могу я уточнить ваши предпочтения?

Мужчины долго беседовали вполголоса, до Вертраны, что тряслась от волнения и пронизывающего ветра, не долетало ни словечка.

– Вертрана, соберись, – сказал мастер Широ.

Голос из-под повязки звучал глухо, но Верте неожиданно почудилась в нем теплота. Или ей так хотелось дружеского участия, что она обманывала себя.

Вот мастер Лот кивнул преподавателю: «Можно начинать», отворил дверь и скрылся в павильоне.

– Вы войдете вместе с господином Ространом и окажетесь в иллюзии. Первые секунды самые сложные, Вертрана. Не теряйся. И помни о том, что я не стану подыгрывать даже самой талантливой моей ученице.

«Самой талантливой?»

Щеки Верты заалели от неожиданной похвалы. Даже если мастер Широ говорил эти слова всем «розочкам», все равно приятно.

– Вперед!

Лорд Конор ждал Вертрану на крылечке. Вид у него был скучающий.

– Возьми меня под руку.

– Но... Помощницы не должны ходить под руку с хозяином...

– Помощницы должны делать все, что захочет хозяин.

Лорд ухмыльнулся, показав белые ровные зубы. Вертрана осторожно, точно боялась обжечься, положила ладонь на локоть, обтянутый коричневым бархатом. Господин Ростран толкнул дверь и шагнул через порог.

Павильон был знаком Вертране до последней песчинки, до последней щербинки на деревянных стенах. Как-то раз она сама нацарапала на лавке, отполированной сотнями прикосновений воспитанниц, свое имя. Латунные крючки, где «розочки» в непогоду развешивали свои плащи и накидки,

она могла бы пересчитать по памяти...

Но сейчас павильон исчез, а Вертрана оказалась в пещере, тускло освещенной факелами. Затхлый воздух щекотал ноздри, над головой, невидимые в темноте, попискивали летучие мыши. Капелька мышинного помета упала вниз и попала на носок туфельки. Верта содрогнулась от омерзения.

– Боишься мышек? – вкрадчиво поинтересовался лорд.

– Не боюсь! – вспыхнула Вертрана.

– Хм...

В ту же секунду десятки летучих мышей сорвались с насиженных мест, устремившись к Верте и господину Ространу. Темные тени заметались в отсветах огня, шум крыльев заполнил пещеру. Крошечные лапки с острыми коготками цеплялись за волосы Вертраны. Она, охнув, присела, закрыла голову. И увидела, что лорд Конор стоит, сложив руки на груди, и смотрит насмешливо.

– Боишься, – кивнул он.

Вертрана разозлилась не на шутку! Не боится она этих маленьких тварей, просто мерзко! Мастер Широ как-то тренировал их на костистых драконоподах, привезенных с болот специально для воспитанниц Института. Верта и тогда не испугалась, хотя один из драконоподов прокусил Лоре лодыжку. Как же та верещала!

Вертрана сжала губы и распрямилась, раскинула руки:

– Аттарио!

Заклинание мгновенного сна, действующее на всех жи-

вых существ, кроме людей. Волчью стаю она бы вырубил на несколько секунд, а вот мелкие создания вроде мышей погружались в спячку почти на час.

Крошечные тельца комочками устилали пол пещеры. Вертрана победоносно взглянула на лорда, но тот уже смотрел в сторону.

– Идем, – бросил он.

Из небольшой пещеры тянулся тоннель, факелы едва тлели в кольцах на стенах. Вертрана невольно замедлила шаг: она почти ничего не видела, но ощущала впереди опасность, а потом и вовсе отступила. И тут же уперлась в грудь лорда Конора.

– Надеюсь, ты не собираешься прятаться за моей широкой спиной?

Ехидный голос раздался у самого уха, шею обожгло горячим дыханием. Жесткая ладонь слегка сжала ее плечо, а в следующее мгновение лорд подтолкнул ее вперед, навстречу неведомому злу, затаившемуся в темноте.

«Это просто испытание, – сказала себе Вертрана. – Я не погибну! Не сейчас!»

И тут же воображение нарисовало другую девушку, такую же юную магиссу, которой лорд Конор прикрылся в минуту настоящей опасности. Она увидела, будто наяву, как оседает на землю изломанное хрупкое тело. «Слабачка! – подумал, наверное, господин Ростран. – В следующий раз выберу кого-нибудь посильнее!»

На секунду мелькнула мысль сдать. Но испытание боевой магии – не шутки, она на самом деле может покалечить.

«Будь ты проклят!» – выругалась Верта и пошла первой.

По узкому тоннелю пронесся порыв ветра, потушив факелы. Теперь Верта не могла разглядеть и кончики собственных пальцев – она подняла руки в защитном жесте. Не зря мастер Широ муштровал их каждую тренировку: «Первая позиция – руки перед собой, пальцы чуть расслаблены. Вы будто бы держите в руках яблоко. Мей, что вы держите? Яблоко? О нет, больше похоже на перепелиное яйцо! Первая позиция, девушки! Любое боевое заклинание произносится из нее!»

– Люмино!

Яркий свет ударил по глазам, заставляя жмуриться, выбил слезы. Зря! Слишком ярко! Через щелки век Вертрона успела разглядеть темные тени, крадущиеся вдоль стен. Оскаленные пасти, вздыбленные загривки.

Верте прежде не доводилось видеть таких жутких созданий. Возможно, их и не существует в природе, но для иллюзии все сходится.

Снова темнота. И лишь цокот когтей по камням давал понять, что чудовища не привиделись.

– Инсектио!

Верта не видела, но знала, что сейчас с ее ладоней сорвались прозрачные лезвия и устремились по тоннелю, пронзая

все, что встречали на пути. Заклинание отлично подходило для закрытого пространства. Кем бы ни были эти твари, им не жить.

– Люмино!

Вертана вскрикнула от неожиданности. Да, темные туши бесформенными грудami валялись на полу пещеры, но из глубины тоннеля навстречу Верте шли новые – они были крупнее прежних, и их было в два раза больше.

«Да что же такое? Почему?»

– Торрио!

Ком воздуха, тяжелый, как валун, прокатился по тоннелю. «Он ведь раздавил их? Все кончено?» У Вертраны от напряжения тряслись руки, но опускать их нельзя, ни в коем случае нельзя!

– Люмино!.. Ай!..

Десятки огромных жутких тварей серой волной неслись навстречу Вертране.

– Но почему, почему... – вслух прошептала она. – Так нечестно!

И прикусила губу. Всем плевать на честность, а особенно лорду Конору.

– Люмино! Архез! Люмино! Боррей!

Вертрана в отчаянии использовала весь свой арсенал любимых боевых заклятий. Существа валялись изломанные, вывернутые наизнанку. Она снова победила, но едва не падала от усталости. Ноги подкашивались. Заклинание света

еще не погасло, когда Верта увидела, как из сумрака соткалась новая тварь, за ней следующая...

Нет, этому не будет конца. Она проиграла. Сейчас чудовища доберутся до нее и... В прошлом году на испытании одна из воспитанниц лишилась кисти руки. Ее потом отдали в провинцию, в захудалый род...

– Рыдать собралась, бестолочь? – голос лорда Конора, как всегда, звучал иронично.

– Отстань... те! – не выдержала Вертрана. – И отвернитесь на всякий случай, если боитесь крови!

– О как! А с какой частью тела ты собралась расстаться? С ручкой? С ножкой?

Цокот когтей приближался. Вертрана из последних сил распрямилась и вытянула дрожащие руки. Что бы она ни говорила, но сдаваться не собиралась. На вопрос лорда не ответила, а он, помолчав, добавил:

– Чему вас только учат! Твари – иллюзии!

– Я знаю!

«Да за кого он меня принимает?»

– Иллюзии внутри иллюзии. Они подчиняются магу, и пока ты его не уничтожишь... – Лорд Конор был явно раздосадован. – Не думал, что придется так откровенно подсказывать.

– Какому магу? Магистру Широ?.. – И тут же обо всем догадалась: – Инсектио!

Вертрана тратила последние силы, но заклинание помо-

жет выиграть время. Она побежала вперед по коридору, лорд Конор следом.

«Они подчиняются магу... Иллюзии внутри иллюзии...»

«Хуже всего вам придется, если случится противостоять магу». Магистр Широ расхаживал по павильону, а «розочки», сложив руки, сидели на скамьях и осторожно переглядывались, когда преподаватель поворачивался спиной, мол, чего это ему приспичило читать лекцию?

«Настоящему магу, окончившему Академию, а не магиссе, такой, как вы, когда силы примерно равны. Нет, маг щадить вас не станет...»

Магистр Широ неосознанно поправил ткань, закрывающую лицо, заправил за воротник.

«Поэтому я расскажу вам обо всех специализациях, которым обучают в Академии. Во-первых, это маги-поводыри. Они сродни магистрам-иллюзионистам, но специализируются на опасных тварях. Уничтожить тварей невозможно, пока жив маг...»

Вертрана бежала изо всех сил. У нее мало времени, так мало! Еще пара секунд – и неведомый маг создаст новых чудовищ. Мимолетно восхитилась талантом мастера Лота, который создал не только пещеру, но и мага-поводыря, творящего иллюзии. Теперь главное – найти его.

Подошвы туфельек заскользили по гладкому полу: Вертра-

на на полном ходу выскочила в круглый зал и едва удержалась на ногах. У противоположной стены стоял человек, закутанный в темную накидку, которая скрывала лицо. Он казался сгустком мрака. Впрочем, он ведь и сам был лишь иллюзией.

– Возмездие... – прошелестела тень, поднимая руку.

Но указательный палец был направлен за спину Вертраны.

«Возмездие? Что за странное заклинание?» – удивилась Верта, невольно оборачиваясь на лорда Конора.

Ироничный, язвительный и обычно бесстрастный лорд Ростран был бледен, будто увидел собственную смерть.

– Морто! – закричала Верта.

Заклинание мгновенной смерти было верным, вот только сила намерения подкачала. Едва ли на троечку, явно недостаточно для того, чтобы сразить мага в настоящем бою. Верта истощала почти все силы, уничтожая тварей.

«Все пропало... – мелькнуло в голове. – Если бы на семечку хотя бы... Но у мага может быть и девятка...»

Однако магистр Широ, следивший за испытанием, почему-то решил засчитать попытку. Фигура мага развеялась облаком темного дыма, а под сводами пещеры загремел голос преподавателя:

– Испытание пройдено. Возвращайтесь.

– Ненавижу его! – процедила Вертрана. – Просто ненавижу!

Она упала на кровать не раздеваясь, накрыла лицо подушкой, прижала ее поплотнее и завопила. Ее до сих пор потряхивало от ужаса, не верилось, что испытание закончилось благополучно. Проклятый лорд Конор, одни неприятности от него!

Мей погладила подругу по голове, а Эйлин, которая была вовсе не так деликатна, отобрала у Вертраны подушку.

– Так, посмотри на меня! А кто говорил, что испытания будут легкими? Лорд Конор, конечно, перегибает палку, но... Кто знает, может быть, ему действительно грозит опасность?

Элли осеклась, понимая, что сболтнула лишнее.

– Ну спасибо! Подбодрила! – буркнула Верта, с тяжелым вздохом садясь на постели. – Знаете, я думаю, что у него на самом деле есть какая-то тайна...

И она рассказала подругам о последних минутах испытания, о колдуне без лица, о пальце, указывающем на лорда Конора, и о «возмездии».

– Как странно... – протянула Мей.

– Это еще не все! Он не думал, что я увижу, велел идти вперед, а сам задержался. Я пошла медленно и слышала,

как он ругается с мастером Лотом...

– С мастером Лотом? – удивилась Эйлин.

– Да. Господин Ростран был на взводе. Он крикнул: «Что тебе известно о нем?» Хорошо, что мастер Лот остался спокоен. Он ответил: «Вы увидели что-то свое в этом образе, я только создал мага-поводыря, как вы попросили...»

– А потом?

И Мей, и Эйлин подались вперед, впитывая каждое слово. Лорд Конор явно что-то скрывал, и эта тайна будоражила воображение.

– Фыркнул, развернулся и ушел. Даже не проводил меня, но это-то меня как раз совсем не расстроило. У меня от этого человека мороз по коже!

Вертрана поежилась, будто ей и правда стало холодно. Она успокаивала себя тем, что учебный год только начался и лорд Конор переключит свое внимание на другую выпускницу. Сегодня она с трудом прошла испытание. Зачем ему еще одна слабая магисса?

– Девочки, как думаете, они действительно мертвы? – хрипло спросила она. – Прежние помощницы лорда Конора?

Эйлин покачала головой: «Не знаю...» Мей прильнула к подруге, утешая.

– А ты что же, думаешь, он их контрабандой отправил в соседнее королевство, где они живут долго и счастливо? – рассмеялась Лора, подслушав разговор. – Держи карман шире!

Когда Лора злилась, то сразу вспоминала словечки из детства, проведенного в лавке торговца скобяным товаром. А в последнее время Лора часто бывала не в духе: слухи о том, что в этом году на отборе будет присутствовать лорд Финер – наследник знатного рода, – оказались лишь слухами. Лора, которая вот уже два года строила планы по его оболыщению, надеялась до последнего, но молодой и симпатичный, если верить сплетням, господин Таурус в Институте так и не появился.

– Нельзя быть такой злоюкой, Лора! – крикнула Мей.

Эйлин сохраняла королевское спокойствие:

– Не обращай внимания, Вертрана. Собака лает – ветер носит. А ты в следующий раз спроси у лорда Конора напрямую.

– Что? Про помощниц? – опешила Верта.

– Да! Иначе так и не узнаешь правды.

Занятия шли своим чередом. Теперь раз в неделю «розочки» ездили в больницу для малоимущих. С них и там ни на секунду не спускали глаз. Хотя, как показал случай, воспитанницы не смогли бы сбежать, даже если бы захотели.

Вертрана с первого курса обдумывала планы побега. Сначала наивные – устроиться в балаган к бродячим артистам или отправиться за границу. Ух и заживут они на воле!

Потом Верта подросла, и даже работа горничной стала казаться ей пределом мечтаний. Почему нет? Честная работа,

и потом она сможет выйти замуж за хорошего парня-ремесленника.

Эйлин скептически выслушивала подругу и качала головой. Может быть, она уже тогда знала больше Вертраны.

Нелл всегда казалась тихой девушкой, послушной и робкой. Поэтому, когда к больнице подъехали кареты, чтобы отвезти «розочек» обратно в Институт, ее пропажу посчитали случайностью. Мало ли, задержалась у постели пациента. Или потратила слишком много сил и теперь приходит в себя в крошечной комнате отдыха с чашкой горячего сладкого чая.

– Приведите ее поскорее! – махнула рукой Богомолиха.

Девушки бросились исполнять приказание. Не хватало еще рассердить классную даму: из-за неторопливой Нелл все могут остаться без ужина.

– Нелл! Нелли! – кричали они на все лады, бегая по коридорам больницы. – Нелли! Отзовись!

Хотя к поискам пропавшей присоединился весь персонал больницы и сам главный врач, «розочка» как в воду канула.

– Сбежала...

Непонятно, кто первым произнес это слово, но его тут же подхватили другие испуганные голоса.

Скромная Нелл. Нерешительная Нелл. Сбежала! Никто и подумать не мог. После последнего испытания она, правда, сделалась молчалива, почти не улыбалась, но чтобы сбежать!

– Поймают? Не поймают? – шептались подружки, пока ехали в карете, и безумная надежда трепетала в сердце. – Пусть бы не поймали! Пусть!..

Не успели «розочки» вернуться в Институт, как их немедленно вызвала к себе госпожа Амафрея. Девушкам даже не дали переодеться, сразу повели в кабинет директрисы.

Вертрана не бывала здесь с тех пор, как прошла вступительное испытание. Ничего не изменилось: на полках все так же стояли причудливые игрушки, а на столе черный магический шар.

«Аквамарин...» – всплыло в памяти непонятное слово и довольное лицо Сухаря. Вертрана до сих пор не понимала, что это означает.

Воспитанницы сбились в стайку, не решаясь поднять глаза.

– Я даже не спрашиваю, знал ли кто-то о побеге! – угрожающе выплонула директриса. – Это неважно, потому что будут наказаны все! Но я позвала вас не для этого. Посмотрите, что случится с каждой, кто решится на такой глупый и безответственный поступок. Эта неразумная девчонка, эта Нелл, ранила меня в самое сердце! Разве я плохо о вас забочусь?

– Нет, госпожа Амафрея, – раздался нестройный хор голосов. – Вы нам как родная мать...

Сухарь смахнула с щеки воображаемую слезу:

– И как мать я должна направлять заблудших детей!

Директриса положила ладонь на черный шар, и тот засветился мягким белым светом. В воздухе над ним возникла картинка. «Розочки» ахнули: перед ними появилась Нелл. Совсем как настоящая, только фигурка ее была крохотной и полупрозрачной. Госпожа Амафрея приблизила изображение.

Нелл, оглядываясь, торопливо шла по улице. Прячала руки в рукава тонкой накидки и ежилась от холода. На ее щеках виднелись следы слез.

У Вертраны перехватило дыхание, так стало жаль бедняжку.

– Думаю, самые сообразительные из вас давно догадались, – продолжала госпожа Амафрея ледяным голосом. – Деньги получали ваши родные, но на самом деле договор подписывали вы. И только мне решать, куда и когда вы уйдете!

Верта вздрогнула, вспоминая. Капелька крови на кончике пальца, ее ладонь, прижатая к холодной поверхности камня... Так вот оно что! Поэтому побег еще никому не удался!

– Возвращайся! – приказала госпожа Амафрея.

В ее голосе зазвенел металл. Нелл, конечно, не могла слышать голос, тем не менее она остановилась как вкопанная и прижала руку к груди. Она будто боролась сама с собой. Вот сделала еще один маленький шаг вперед, еще полшажка.

«Иди, иди, миленькая!» – мысленно подбадривала ее Вертрана.

Но Нелл вдруг вскрикнула, словно ей сделалось больно, развернулась и со всех ног побежала в сторону Института.

В кабинете повисла гробовая тишина. Взгляд директрисы давил, заставляя головы воспитанниц опускаться все ниже.

— Идите, — наконец произнесла она. — Три дня без ужина.

В полном молчании «розочки» поднялись к себе в спальню. Дейзи пыталась было пошутить, что это они еще легко отделались, но на нее зашикали. Каждая думала о несчастной Нелл и о том, что с ней будет дальше.

Прильнув к окну, девушки всматривались в густеющие сумерки, силясь разглядеть бредущую в сторону ворот хрупкую фигурку. Так и не увидели, как она возвращается, но потом разговорили Тину, прислужницу, посулив ей принести пирожное после следующего чаепития.

Болтушка Тина и рада была посплетничать. «Да, Нелл вернулась. Сама пришла. Иногда приходится выходить навстречу и тащить волоком, но не в этот раз. Бледнущая и трясется! Госпожа Амафрея ждала ее в кабинете. Потом... Вы ведь и сами знаете, милые. Теперь она в лазарете, а что дальше будет — не знаю...»

Зато Вертрана знала. Нелл отдадут первому лорду, готовому заплатить за бракованный товар. Смутьянки и беглянки считались бракованными. Вряд ли «розочки» когда-нибудь снова увидят робкую Нелли.

Мей рыдала, укрывшись одеялом. Эйлин вытянулась на спине, глядя в потолок. Никто не разговаривал в этот вечер.

– Раз, два, три... Раз, два, три... Девочки, слушаем музыку! Держим такт!

Щуплая преподавательница танцев и сама напоминала девочку, хотя была уже немолода. Она легко скользила по паркету между танцующими парами, успевая то поправить локоть, то хлопнуть по спине, чтобы девушки выпрямились.

– Живее! Что вы ползаете, как сонные мухи? Скоро ваш первый бал! Разве вы не хотите понравиться будущим хозяевам?

Занятие длилось второй час. У Вертраны онемели руки и шея, было жарко и хотелось пить. Но через четыре дня намечался бал, и поэтому «розочек» гоняли до седьмого пота.

– Хорошо! – Госпожа Пати хлопнула в ладоши. – Передышка пять минут! Можете выпить воды.

Верта жадно приникла губами к стакану. «Розочки» вздыхали, пытаясь размять затекшую спину, промакивали вспотевшие лбы платочками.

Иллюзии, как только девушки опустили руки, встали без движения, вперив глаза в пол.

Когда Верте было одиннадцать и она впервые пришла на занятие танцами, то сначала приняла темноволосых мальчиков, затянутых в одинаковые темно-синие ливреи, за живых людей. Даже обрадовалась: будет с кем поболтать во время

урока. Но мальчики оказались иллюзиями. Удивительно реалистичными, но все-таки миражами. Их изготовил по специальному заказу сам мастер Лот. После занятия партнеры превращались в кристаллы кварца, которые госпожа Пати заботливо укладывала в обитую бархатом коробочку.

Казалось, прошла всего минута, когда преподавательница приказала снова встать в пары.

– Я сейчас умру, – простонала Мей. – Я больше не могу...

– Все ты можешь, милочка, – слух у госпожи Пати был острым, как у лисы. – Своему будущему господину тоже будешь говорить: «Я больше не могу»? Не советовала бы! Некоторые лорды бывают суровы.

Преподавательница взглянула на растерянное лицо Мей и смягчилась:

– Ну-ну, еще полчаса, и я вас отпущу. А если будете стараться, то открою секрет, расскажу о традиции, принятой на первом балу.

«Розочки» переглянулись и решили, что любая информация о первом бале не станет лишней. Они действительно старались, никто и не пикнул. Госпожа Пати осталась довольна и милостиво улыбнулась:

– Не такая уж это тайна, кто-нибудь из горничных или служанок все равно бы проговорился...

– Пожалуйста, миленькая госпожа Пати, не томите! – не выдержала Дейзи, молитвенно прижав руки к груди.

Дейзи отчего-то всегда прощались любые выходки, и она

этим беззастенчиво пользовалась.

– Дейзи, Дейзи! – Преподавательница для вида погрозила белокурой «розочке». – Ну хорошо! Вы можете сами выбрать кавалеров для первого танца, если осмелитесь попросить об этом вашу классную даму. Это называется «Право надежды». Запомните?

– Право надежды... – протянула Вертрана. – Как красиво...

Она уже знала, кого пригласит. Конечно, лорда Ханка. Ей бы только станцевать с ним один танец, и господин Одгер обязательно поймет, что Верта – та, которая ему нужна!

Но, как и следовало ожидать, из-за лорда Ханка «розочки» перессорились. Юного и симпатичного паренька хотела пригласить каждая.

– Давайте тянуть жребий! – предложила Лора. – Это будет честно.

Решили, что первый танец с господином Одгером достанется тому, кто вытащит короткую соломинку. Во время вечерней прогулки Богомолиха никак не могла взять в толк, почему ее воспитанницы присели у обочины дороги и что-то ищут в снегу.

Вечером Лора разложила на постели восемь бурых сухих стебельков – один короткий и семь длинных. Эйлин завязали глаза, она собрала соломинки, так что из кулака торчали только кончики.

– Готово!

Вертрана дернула первой и фыркнула от разочарования: длинная. С пристрастием она наблюдала за подругами: кому же улыбнется удача? Когда Дженни вынула предпоследнюю соломинку, стало понятно, что везение сегодня на стороне Эйлин: короткую никто не вытащил, а значит, она осталась в ее руке.

– Счастливица... – вздохнула Дейзи.

– Передаю свое право Верте, – улыбнулась Эйлин.

– Правда? Спасибо огромное!

Вертрана бросилась обнимать подругу, а та незаметно подмигнула ей и разжала ладонь, показывая длинный стебелек. Хитрая Эйлин подменила соломинку.

– Я знаю, что для тебя это важно. Смотри, не упusti шанс!

Бальный зал готовили к приему гостей несколько дней. Сняли чехлы с мебели и зеркал, покрыли мастикой паркетный пол, обновили позолоту. Бронзовую люстру, покрывшуюся за лето зеленой патиной, натерли до блеска. Прислужницы, взобравшись на стремянки, вставляли в выемки новые свечи, такие белые и гладкие, что казались сахарными.

«Розочки» подглядывали за приготовлениями в щелку неплотно закрытых дверей.

– А почему свечи, а не магические сферы? – недоумевала Мей.

– Традиция, – шепнула Вертрана. – Наш Институт всегда соблюдает традиции...

– Вот вы где! Снова! – резкий голос Богомолихи заставил девушек отпрянуть от двери. – Да сколько можно вас гонять! Не терпится на бал? Всему свое время! А теперь на примерку. Быстро!

Для бала выпускницам сшили новые платья. Приглашенные портнихи заново сняли мерки, а потом долго обсуждали с классной дамой и госпожой Амафреей фасоны и цвета. Надо отдать должное мастерицам, наряды сидели на фигурах девушек идеально.

– Тебе очень идет карминовый! – подбодрила Эйлин Вертрану.

Верта посмотрела на себя в зеркало, и ей сделалось страшно. Когда она успела стать такой взрослой? Лиф платья выгодно очерчивал полную грудь, открывая соблазнительную ложбинку. Неужели и лорды это увидят? Какой кошмар! Без пелеринки Вертрана чувствовала себя голой.

Мей рядом с ней казалась совсем девочкой. Ей на лиф нашили кружева, чтобы сделать пышным то, в чем подвела природа.

Эйлин выглядела королевой. Впрочем, она в любом наряде смотрелась величественно.

– Я не хочу на бал... – прошептала Верта. – Все будут на меня пялиться... Выбирать... И лорд Конор! Не хочу!

Она спрятала лицо в ладонях.

– Нам нечего стыдиться! – жестко сказала Элли, взяв подругу за запястья. – Ты не дашь им себя сломать! И ты, Мей!

Она шутя ткнула Вертрану в лопатку, заставляя распрямить спину.

– К тому же, Верта, тебя никто не отдаст лорду до тех пор, пока тебе не исполнится восемнадцать. Даже если кто-то заплатит, ему придется ждать еще два месяца. Два месяца спокойствия. Разве это мало?

– А мне уже исполнилось восемнадцать, – грустно сказала Мей.

– Ой, девочки, какие же вы нытики! Выше головы! Раз уж нам все равно придется идти на бал, давайте повеселимся как следует!

Пока прислужницы собирали Верту на бал, она бесконечно прокручивала в голове все, что скажет лорду Ханку. У нее всего один танец, чтобы произвести впечатление.

«Надо его рассмешить, – думала она. – И конечно, быть милой, веселой и не забывать улыбаться! Слушать все, что он говорит, с большим вниманием...»

– Вертрана, голубушка, не хмурь лоб! – окликнула ее Богомолиха. – Морщинки появятся.

– Госпожа Гран, нам сказали, что на первом балу можно самим выбрать себе партнера? – решилась Верта. – Право надежды...

Последние слова она произнесла шепотом.

– Кто это вам сказал? – притворно рассердилась классная дама, которая, конечно, ожидала вопроса. – Ну ладно, ладно, пойдем вам навстречу. Видите, как добра госпожа Амафрея!

– Очень добра, очень! И вы тоже!

«Розочки» бросились целовать ручку своей наставнице.

– Ну-ну, мои дорогие! – Та расплылась в самодовольной улыбке. – Не отвлекайтесь. Не заставляйте наших гостей ждать.

Бальный зал в Институте был небольшим. Много места и не требовалось: здесь редко собиралось больше двадцати человек.

Люстра сияла огнями, которые отражались в зеркалах и начищенном паркете. У стены стояли столы с легкими закусками и напитками. В эркере настраивал инструменты приглашенный оркестр.

Гости ожидали выпускниц в мягких креслах, а госпожа Амафрея занимала их беседой. В руках директрисы была раскрытая папка, где она делала пометки.

Вертрана прислушалась, но не услышала из разговора ни слова.

– Наверное, нас обсуждают, – предположила она. – Спрашивает о предпочтениях...

– Наверное... – выдохнула Мей. – Вот бы заглянуть в эти записи.

Директриса увидела вошедших девушек, немедленно закрыла папку и изобразила радушную улыбку.

– Наши прекрасные розы! Гордость Института! Поприветствуйте гостей!

Воспитанницы присели в реверансе. Лорды встали со своих мест, правда, кланяться не стали. Вертрана только на мгновение подняла голову, чтобы заприметить, где стоит господин Одгер, и тут же снова опустила глаза, чтобы случайно не встретиться взглядом с лордом Конором. А он тоже явился не запылился. Стоял со скучающим видом, будто делал всем присутствующим одолжение.

Госпожа Амафрея произнесла короткую речь, в которой снова напомнила о том, как гордится Институт своими вы-

пускницами, ведь каждая из них бриллиант чистой воды. Лорды морщились. «Цену набивает», – читалось на их лицах.

– Сегодня, в честь первого бала, воспитанницы хотят воспользоваться своим правом надежды. Каждая из них сама выберет себе кавалера.

Лорды переглянулись с недоумением, но и с любопытством. Некоторые приосанились, поправляя сюртуки. Вертрانه сделалось смешно. Вот так – почувствуйте себя на нашем месте. Поймите, каково это, когда выбирают!

Хотя гостям позор, конечно, не грозил. «Розочки» заранее распределили лордов между собой, бросая жребий.

– Да будет бал! – громогласно объявила директриса, и, подчиняясь взмаху ее руки, грянула музыка.

Выпускницы устремились к лордам. Делали книксен, глядя в пол. Ни одна не получила отказа. Да и с чего бы? Вот и лорд Конор закружил в танце Алану. Выражение лица у него не изменилось – разве что не зевал.

Вертрана устремилась к лорду Ханку. Длинное платье мешало, путалось под ногами, а Верта так волновалась, что один раз запнулась и едва не упала. Встала напротив юного лорда, неловко присела. Щеки пылали. Ничего, самое страшное позади, теперь только протянуть руку, а он возьмет ее и...

– Прости, милая, я не стану с тобой танцевать.

Ведро ледяной воды и то произвело бы меньший эффект,

чем эти неожиданные слова.

– П-почему? – от удивления Вертрана начала заикаться.

– Боюсь, ты мне не подходишь.

Вертрану бросало то в жар, то в холод. «Позор, какой позор!» – стучало в висках.

– Присядь!

Лорд Ханк заботливо придержал ее за локоть, помогая опуститься в кресло.

– Не надо так переживать. – Голос, несмотря на слова участия, звучал безразлично.

Первый танец Вертрана провела в кресле, вцепившись в подлокотники и стараясь выровнять дыхание. Она ловила на себе взгляды «розочек» – недоумевающие, удивленные, зло-радные... Эйлин, которая кружилась в паре с лордом Геро-нимом, приподняла бровь: «Что случилось?» Верта в ответ только покачала головой. Если бы она знала!

Бал продолжался. Хорошо, что госпожа Пати нещадно гоняла их в последние дни: все танцевальные движения Верта повторяла автоматически, отключив голову. Она и не понимала, с кем танцует. Машинально отвечала на одинаковые вопросы: «Да, учиться мне нравится. Любимый предмет – целительская магия. А вот тяжелее всего дается артефакторика и рунология. Да, госпожа Амафрея о нас хорошо заботится. Спасибо, вы очень добры...»

Через час объявили небольшой перерыв, гостей и воспитанниц пригласили к столу. Вертрана осушила бокал с соком

и немного опомнилась. Огляделась. Рядом с ней стояла Элли и задумчиво разглядывала подругу.

– Итак? – спросила она.

– Ой, я ничего не знаю. Не знаю... Он отказался со мной танцевать. Сказал, что я ему не подхожу...

– Ой, а мне лорд Героним сказал, что меня ждет хорошая новость... – прошептала Мей. – Что это значит, девочки? Я боюсь!

– Так, не будем волноваться раньше времени! – бросила Эйлин.

Она по-хозяйски сунула в руки одной и другой по тарталетке с грибным паштетом и заставила съесть.

– Не хватало еще, чтобы в обморок грохнулись... от счастья!

Вертрана едва проглотила последний кусочек, как снова заиграл вальс. Она хотела было отойти и встать за колонну – авось никто ее не заметит до следующего танца, но только развернулась, как уперлась носом в грудь, обтянутую темно-синим атласом. С этим кавалером она сегодня еще не танцевала... Подняла взгляд выше и невольно отпрянула.

– Лорд Конор?

– Всего лишь я, – усмехнулся тот. – И, прошу заметить, огорчен, что на первый танец ты пригласила не меня. Но от моего приглашения ты отказаться не можешь.

Вертрана с наслаждением представила, как гордо развернется и уйдет, бросив напоследок: «Откажусь, даже если ста-

нешь умолять на коленях!» Родись Верта аристократкой, ей было бы позволено многое. Но, увы, даже в прекрасном платье и с отличными манерами она оставалась в глазах света бесправной простолюдинкой.

– Конечно, – процедила она.

– Мой лорд! – добавил господин Ростран, кивком давая понять, что Верта должна повторить.

– Конечно, мой лорд, – выплюнула Верта.

И тут же оказалась в крепких объятиях. Мужская ладонь сжимала ее руку не больно, но твердо, и вторая ладонь на талии чувствовала себя уверенно. Когда лорд Конор притянул к себе Вертрану, она почти уткнулась носом ему в плечо. Ощутила аромат сандала и кардамона и запах пота здорового молодого тела. В душе взметнулась буря незнакомых, пугающих чувств. Вертрана зажмурилась, стараясь не дышать. Мир кружился вокруг нее в такт музыке.

«Спроси у лорда Конора о помощниках...» – услышала она в голове спокойный голос Эйлин. Надо решаться! Лучшего времени не найти.

– Лорд Конор...

– Мм? – удивился он, будто бы с ним внезапно захотел пообщаться стул. – Хочешь поговорить?

– Да!

– А я нет.

Вертрана на секунду опешила, но второй отказ за вечер вместо того, чтобы окончательно вывести из душевного рав-

новесия, вдруг ее разозлил.

– Я хочу спросить! Правда ли, что ваши прежние помощницы умерли? – выпалила она на едином дыхании.

– Погибли, – бесстрастно поправил господин Ростран. – Да, правда.

– Сколько их было?

– Две.

В голосе лорда Конора не ощущалось ни печали, ни вины, у Вертраны же сдавило грудь.

– А теперь вам, конечно, нужна новая? – Верта очень старалась, чтобы голос ее прозвучал беззаботно и капельку язвительно.

– И как же ты догадалась? – Лорду Конору тоже ехидства было не занимать. – Удивительно! Не ожидал от тебя такой сообразительности после того, как волколаки едва не освежевали тебя заживо.

Щеки Вертраны запылали от гнева и стыда. Она и так не могла себе простить, что опростоволосилась на испытании, так теперь этот напыщенный индюк будет ей при каждом удобном случае напоминать о промашке.

– Что поделать... Не все так отважны и храбры, как благородные лорды! Они-то никогда не испугаются призраков и иллюзорных колдунов. Не то что мы, слабые девушки.

Верта прикусила язык, но было уже поздно. Если лорд Конор доложит Сухарю о дерзкой воспитаннице, Вертрану ждет суровое наказание. Лишением ужина дело не обойдет-

ся...

Господин Ростран встал как вкопанный. Верта с ужасом ожидала, что сейчас захрустят ее пальцы, сдавливаемые сильной рукой.

– Ты вообразила себя кем-то, кто смеет общаться со мной на равных, жалкое создание? – В голосе лорда Конора звенел лед.

Он ушел, оставив ее одну в центре зала.

– Ненавижу... – прошептала Вертрана вслед.

Вертрана спряталась на лавочке у стены, перевела дух. Ну что за вечер такой! Она возлагала на него столько надежд, но все пошло наперекосяк. А что ее ждет после окончания бала, и представить страшно. Лорд Конор наверняка нажаловался Сухарю на бесстыжую ученицу...

Будто в ответ на ее мысли, директриса, которая все время провела в кресле, застыв с прямой спиной, и молча наблюдала за парами, поднялась со своего места и хлопнула в ладоши. Музыка немедленно стихла.

«Начинается...» – подумала Вертрана и зажмурилась.

– Дорогие гости, девочки, прошу вас подойти ближе. Я хочу завершить вечер восхитительной новостью!

Верта открыла один глаз: неужели обойдется? Госпожа Амафрея лучилась улыбкой. В таком приподнятом настроении директриса бывала тогда, когда дело обещало выгоду.

«Новость! – вспомнила Верта. – Мей говорила что-то о

хорошей новости!»

Вскочив на ноги, она побежала разыскивать подругу.

Мей стояла, опершись на руку Эйлин, в лице ни кровинки. Верта встала рядом, сжала прохладные пальцы. Рыжуля вздрогнула и подняла на нее испуганный взгляд.

– Это я... Ну что ты? Не бойся... Что ты себе надумала?

– Попрошу тишины!

Госпожа Амафрея, не переставая улыбаться, кинула в сторону девушек холодный взгляд. Потом повернулась к лорду Герониму и кивнула, приглашая подойти.

– Мы с гордостью сообщаем, что лорд Героним из рода Гернаус счел воспитание и магические способности одной из выпускниц достаточными, чтобы сделать выбор заранее. Наша драгоценная «розочка» продолжит обучение до конца года, но с этого дня будет носить знак принадлежности к почтенному роду Гернаус.

Лорд Героним, который в желтоватом сиянии свечей выглядел сегодня еще старше, чем обычно, слегка поклонился и, приподняв рукав, размотал с запястья знакомую золотистую ленту. Вертране она показалась похожей на яркую ядовитую змейку.

Воспитанницы затаили дыхание и замерли. Они избегали смотреть на лорда, как прежде во время экзаменов прятали глаза от учителя, – будто это укрывало их пологом невидимости.

Вертрана почувствовала, как дрожит ладонь Мей, и на-

крыла ее второй рукой.

Госпожа Амафрея не торопилась с оглашением. Обвела подопечных медленным взглядом.

– Вы все должны стараться еще лучше. Только достойных выберут раньше срока!

«Нет уж, спасибо! Как-нибудь обойдусь без этой чести!» – мысленно фыркнула Вертрана.

– Берите пример со своей подруги. Поприветствуйте первую избранную. Мей!

Мей приглушенно ахнула, ноги у нее подогнулись. Если бы не подруги, хрупкая «розочка» распласталась бы на паркетном полу. Эйлин незаметно ущипнула ее за предплечье, приводя в себя.

– Держись, Мей. Ну же! Ничего! Мы все знали, что этот день наступит!

– Наша прекрасная Мей готова лишиться чувств от радости, – нежно проворковала директриса. – Помогите ей, девочки. А где же аплодисменты?

Зал взорвался громом рукоплесканий. Раскрасневшиеся «розочки», на этот раз избежавшие печальной участи, старались от души. Лорды, для которых это было всего лишь развлечением, не отставали. Лорд Конор не принимал участия во всеобщем веселье. Он сидел, откинувшись в кресле, и кривил губы в презрительной усмешке.

«Я не твоя! – думала Вертрана, и сердце ликующе стучало, хоть и было стыдно перед несчастной подругой. – Я не твоя!»

Эйлин и Вертрана медленно повели Мей вперед.

– Наклони голову, детка, – ласково приказала госпожа Амафрея. – Ниже... Вот так, так...

Мей склонила голову, короткие рыжие пряди упали на лицо, и только Верта и Элли увидели, что из ее глаз текут крупные слезы.

Лорд Героним взял ленту за два конца.

– Сия дева принадлежит мне, – провозгласил он ритуальную фразу.

Затем обвил тонкую шею Мей лентой и завязал крепким узлом.

Когда воспитанницы вернулись в спальню, Мей уже не плакала. Она с отрешенным видом снова и снова трогала ленту на шее, и это отчего-то пугало сильнее слез.

Эйлин и Вертрана переглянулись и решили, что надо дать подруге выговориться. Нельзя сейчас оставлять ее одну.

Они сдвинули кровати, как делали это иногда в детстве, чтобы наговориться перед сном и согреться холодными зимними ночами. Богомолиха, заметив поутру на одной подушке черноволосую, светленькую и рыжую головки, ругалась и в наказание заставляла девочек неделю застилать постели за всеми воспитанницами. Подруги надеялись, что сегодня классная дама слишком устала на балу и не придет с проверкой.

Мей положили в середину, накрыли тремя одеялами, чтобы она поскорее согрелась: рыжуля дрожала, как от озноба.

– Ну вот, Мей, это ведь и к лучшему! – преувеличенно жизнерадостно сказала Эйлин. – Ты теперь знаешь, в какой род отправишься, у тебя будет время привыкнуть! Это лучше, чем узнать имя будущего хозяина на выпускном вечере!

– Да! – подхватила Вертрана, хотя ее тоже потряхивало от переживаний. – А то, что он стар, так это даже и к лучшему. Значит, не будет так часто... Так часто...

Элли коротко взглянула на Верту поверх головы Мей, и ей

показалось, что горячий взгляд подружки прожиг ее насквозь.

«Ой, что я такое говорю!..»

– Все хорошо. Вы правы. Я почему-то ждала, что именно так все и будет. С самого начала знала...

Голос Мей оказался неожиданно спокоен. Вот только отчего Вертрانه чудилось в ее тоне смирение приговоренного к казни?

– Ничего, если я расскажу, о чем мечтала? Как раньше, когда мы были маленькими и любили вот так же лежать и представлять будущую жизнь? В последний раз...

Вертрана погладила подругу по волосам. Вслух ничего не смогла сказать, побоялась, что разревется.

– Да, конечно... – хрипло ответила Эйлин. – С радостью послушаем.

– Мастер Ройм...

– О, Мей!

– Не перебивай! Пожалуйста... Кроме того, что он такой красивый, он еще и умный. И добрый. Он понимал меня как никто...

Элли покачала головой.

– Мей... Меюша... Ты придумала его себе. Ты совсем не знаешь мастера Ройма, вы встречались только на занятиях.

– Нет, не только, – прошептала Мей так тихо, чтобы никто из «розочек» больше не услышал.

Теперь уже и Вертрана недоверчиво воззрилась на подругу:

– Что?

– Нет, ничего такого! Не думайте! В первый раз я пришла к нему четыре недели назад, просто чтобы он объяснил мне домашнее задание. Честное слово, сначала я пошла в библиотеку, но просидела над книгой полчаса и не поняла ни строчки...

Хотя воспитанницы Института и привыкли делить одну спальню, проводить время друг с другом с утра до ночи, вместе ходить и в столовую, и на занятия, порой даже им требовалось уединение. Тихая и задумчивая Мей нуждалась в одиночестве острее других. Иногда она уходила прогуляться по крытой галерее в маленьком зимнем саду. Иногда отправлялась в библиотеку. Иногда сидела на подоконнике третьего этажа, где окно выходило на главные ворота и дорогу, по которой проезжали кареты.

Подруги знали, что через несколько часов Мей вернется и снова станет ласковой и веселой рыжухой. Но ни Вертрание, ни Эйлин и в голову не могло прийти, что в последнее время Мей ходит к учителю зельеварения.

– Клянусь, мы просто говорили! – воскликнула Мей шепотом, но все равно достаточно громко, чтобы на нее обернулась Лора.

Эйлин прижала палец к губам и покачала головой: «Тихо!»

– Мы просто говорили... – повторила Мей. – Сначала об учебе. Потом обо всем... Я подумала, ведь маги, закончив-

шие Академию, обычно тоже аристократы. Что если мастер Ройм...

– Не обязательно аристократы! – невежливо перебила Вертрана, но она слишком волновалась за подругу, чтобы промолчать. – Многие одаренные студенты получают стипендию. Или бывает, что аристократ происходит из обедневшего рода, а заслужив магическую степень, становится единственным кормильцем семьи. Стал бы мастер Ройм работать учителем, будь у него деньги?

Мей моргнула, совершенно раздавленная. Тонкие пальцы снова неосознанно провели по ленте, словно стараясь ее сорвать.

– Она все знает! – оборвала Эйлин Вертрану. – Мей ведь сразу предупредила, что будет говорить о мечте.

– Да... О мечте... Знаете, девочки, за все годы, проведенные в Институте, это было самое счастливое время. А за счастье всегда приходится платить...

– Нет, но мастер Ройм-то каков! – Верта все никак не могла успокоиться. – Чем он только думал! Вскружил девчонке голову!

– Он ничего не делал! Ни разу не прикоснулся ко мне! Мы читали книги, иногда варили зелья. Говорили... Это было так весело...

Голос Мей становился все глуше, и она все-таки разревелась. А Верта и Эйлин впервые за вечер вздохнули спокойно: выплачется, и станет легче.

Они обняли ее с двух сторон, как в детстве, соприкоснулись головами. Так и уснули.

Вертрана проснулась в крошечной темноте, не понимая, сколько прошло времени. Рядом, повернувшись на бок, безмятежно спала Эйлин. На месте Мей лежало смятое одеяло, а самой рыжули не было.

«Прогуляется и придет! – успокаивала себя Вертрана. – Куда она денется! За ворота выйти не сможет...»

Но сердце все равно было не на месте. Верта то хотела бежать на поиски подруги, то, испугавшись, что накличет на ее голову беду, уговаривала себя оставаться на месте. Она ворочалась с боку на бок, прислушивалась к шагам в коридоре и не могла сомкнуть глаз.

Прошло, наверное, не меньше трех часов, когда дверь в спальню приотворилась и в комнату проскользнула Мей. Она так и ушла в ночной рубашке и босиком, только накинула на плечи пелеринку. Бедняжка тряслась от холода.

Вертрана уже хотела отругать подругу, уложить поскорее в постель и укутать одеялом, но что-то ее удержало.

Мей вела себя странно. В сером предутреннем свете стало заметно, что ее щеки горят лихорадочным румянцем. Она села на край кровати, и из ее ладони на колени выкатился флакончик с желтоватой жидкостью. Мей закрыла лицо руками. Потом запустила пальцы в волосы и с силой дернула их.

От неловкого движения стеклянный флакончик упал на

пол и со звоном разбился.

– О нет... – простонала Мей. – Нет...

Бросившись на колени, стала собирать осколки. Тут уже Вертрана не выдержала, перестала притворяться, что спит, и опустила на пол рядом с подругой.

Мей, закусив губу, складывала стеклышки в ладонь.

– О нет, нет... – продолжала шептать она.

Увидела Верту и вздрогнула всем телом.

– Мей, где ты была?

Мей сделала вид, что не слышит.

– Мей, что это?

– Ах, отстань! Отстаньте от меня все!

Она достала из тумбочки лист бумаги с домашней работой по рунологии, над которой вчера корпела весь вечер, вернула в него осколки, скомкала и выкинула в корзину. Потом, не глядя на Вертрану, забралась в постель, накрылась одеялом и затихла.

Весь следующий день воспитанницы провели на практике в больнице. Мей немного повеселела. Она избавила маленького пациента от горячки, а потом, пользуясь тем, что ее не видит никто кроме «розочек», принялась развлекать мальчика, складывая из листа бумаги то лодочку, то лягушку, то цветок.

– Магия, да? Магия? – восторженно спрашивал паренек. – Ух!

– Магия, – улыбалась Мей. – Сейчас и тебя научу колдовать.

Вертрана вздохнула с облегчением: что бы ни случилось вчера ночью, подруга справится.

В Институт возвратились довольные, болтали о разных пустяках. Мей будто совсем забыла о ленте, украшавшей ее шею. Даже ужин съела с аппетитом.

После того как тарелки опустели и прислужницы убрали со столов, к воспитанницам неожиданно вышла госпожа Амафрея. Благосклонно улыбнулась Мей:

– Выглядишь посвежевшей. Умница. – Затем обвела взглядом выпускниц и сообщила: – Девочки, у меня для вас две новости. Во-первых, хочу сказать, что вы хорошо справляетесь с испытаниями. Но впереди ждет еще одно, пожалуй, самое важное.

Девушки переглянулись. «Рунология? – пробежал по рядам шепот. – Зельеварение? Изготовление артефактов?»

Директриса с улыбкой покачала головой:

– Для вас это будет нечто новое. Узнаете в свой черед. И, как обещала, вторая новость, не столь хорошая. К сожалению, наш преподаватель зельеварения с сегодняшнего дня больше не работает в Институте. Утром он неожиданно уволился... Мей? Мей! Принесите кто-нибудь стакан воды!

Мей покачнулась и, лишившись чувств, едва не упала на мраморный пол. Эйлин подхватила ее в последний момент, пристроила ее голову у себя на плече. Вертрана бросилась обмахивать подругу. Появилась прислужница с чашкой воды, и госпожа Амафрея плеснула бедняжке в лицо, приводя в сознание.

– Мей, Мей! – пожурила она «розочку». – Пожалей свое сердечко...

Тут уже не только Мей побледнела. Вертрана и Эйлин обменялись испуганными взглядами. Неужели Сухарь каким-то образом прознала про платоническую любовь Мей к мастеру Ройму?

– Ты всегда была чувствительной девочкой. Переживаешь из-за всякой ерунды, – продолжила директриса. – Поверь, ты с легкостью пройдешь испытание. К тому же, хочу тебя обрадовать, это твое последнее испытание. Ведь ты уже избрана.

Верта едва сдержала вздох облегчения: нет, тайна Мей остается тайной. Сама-то Вертрана понимала, почему подру-

га упала в обморок: расстроилась из-за того, что больше не увидит преподавателя зельеварения. Но это и к лучшему! В разлуке проще забыть.

Мей снова загрустила. Вертрана и Эйлин договорились между собой, что не станут ее дергать, просто будут рядом, если понадобятся. Словами тут не поможешь, придется ры- жуле самой справиться со своими чувствами. Зато обе из кожи вон лезли, поддерживая хорошее настроение подруги. То вспоминали забавные случаи из детства, то пытались вытащить Мей на ночную вылазку на кухню, то пародировали учителей. У Эйлин отлично получалось изображать господина Вира и профессора Алеба – «розочки» надорвали животы от смеха. Улыбалась и Мей.

– Девочки, я ведь понимаю, вы это ради меня... – сказала она. – Спасибо.

Вертрана рассказала Эйлин о странном исчезновении Мей и о разбившемся флаконе. Элли несколько дней ходила вокруг да около скользкой темы, но потом спросила напрямую:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.